

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Эдуард Анашкин

Попавшие в переплёт

Литературная критика



Русское эхо
2010

ББК 84 (2 Р_{ос}=Р_{ус}) 6
А 64

Анашкин Э.К.

А 64 Попова в переплёт: Литературная критика. — Русское эхо: Самара, 2010. — 128 с.

ISBN 978-5-904319-39-7

В своей книге размышлений о жизни и литературе самарский прозаик, член Союза писателей России Эдуард Константинович Анашкин размышляет о судьбах писателей-современников, с которыми ему довелось встречаться и дружить. Эдуард Константинович — автор многих уважаемых изданий от Москвы до самых до окраин. В этой его книге представлены эссе о поэтах и прозаиках самых разных регионов России — от Прибалтики до Сибири. Но упор, конечно же, сделан на земляков, писателей Самарской губернии. Таким образом, автор книги показывает литературу Самарского региона в контексте всей России.

ISBN 978-5-904319-39-7

© Анашкин Э.К., 2010.
© Русское эхо, 2010.

Рождённая любовью

Такой и только такой в идеале должна быть литературная критика. Ещё Пушкин сказал: «Там, где нет подлинной любви к искусству, не может быть и настоящей критики». Но, увы, писатели обыкновенно не любят критиков. Не с нас это повелось, не нами и закончится. Происходит это от того, что позиционирующие себя критиками люди испытывают явный (хотя и не всегда осознанный) дефицит любви к искусству и его творцам на фоне избытка любви к себе и проистекающей от этой само-любви ненависти к тем, кто талантливее и творчески состоятельнее. Если копнуть глубже, это есть лишь один из многих видов извечного противостояния Бога и сатаны, когда не наделённые Божьим даром люди, возомнив себя критиками, начинают ниспровергать истинных носителей Божьего дара. То есть занимаются, по сути, околотературным сатанизмом под видом «литературной критики». «От меня, шуты, ни одного плевка не дождётеесь», — презрительно кривился в сторону таких знатоков литературы Данте Алигьери. «Критика — это когда глупые говорят об умных», — много лет спустя говорил Лев Толстой. «И стать достоянием доцента, и критиков новых плодить», — обречённо вздыхал Александр Блок, предвосхищая судьбу своего творческого наследия. «ШолохоЕДАМИ» называл иных «исследователей» своего творчества Михаил Шолохов. Анна Ахматова замечательно саркастически рассказывала молодым поэтам о некоем яром своём критике по фамилии Плоткин. Сей Плоткин, десятилетиями ниспровергая ахматовский поэтический Божий дар, построил себе на гонорары от разоблачительно-подмётных статейек многоэтажную дачу. «Вот когда ваше творчество будет кормить всяких «плоткиных», тогда вас можно будет назвать настоящими поэтами», — горько шутила Ахматова, обращаясь к молодым поэтам. Навскидку из современной литературы вспоминается сатирический роман Юрия Полякова «Козлёнок в молоке», где некий, «назначенный» в гениальные писатели и ни строчки не написавший при этом неплохой в сущности паренёк-пролетарий Витёк Акашин, дабы свою литературную значимость—умность показать, выучил несколько терминов вроде «экзистенциализм-трансцендентальность—теодицея». Наблюшнися, что говорится, произносит эти термины по поводу

и без повода. Ну а когда в качестве критических аргументов не хватало «трансцендентальностей» и «теодицей», то в ход у Вити Акашина шёл убойный, всем понятный, «литературный» термин на букву «г» (не графомания!)... Практически каждый из писателей приведёт примеры того, как критические статьи, вместо того, чтобы объяснять и анализировать писательский текст, были рождены исключительно рептильным желанием уничтожить того или иного писателя. Лет десять назад на страницах одной центральной литературной газеты появилась подмётная статейка и на меня, грешную, только-только тогда начинавшую печататься в Москве. В этой статейке, кою храню, некий несостоявшийся поэт-прозаик, подавшийся в критики, вдохновенно громил мои стихи. Концептуально сей критик построил своё ниспровержение таким образом, что аудиторски старательно посчитал все рюмки, кубки и прочие бутылки в моих стихах, и, вырвав слова из поэтического контекста, приписал мне едва ли не попытку спаивания русского народа... Презрительно отзываясь о критиках, писатели, конечно же, имели и имеют в виду тот вполне определённый вид заведомо тенденциозной критики, которая в чужом глазу предпочитает видеть соринку, а в своём не замечать и бревна. Да и какая уж, простите, любовь к искусству, вообще, и литературе, в частности может быть у тех, кто подался в критики лишь потому, что не состоялся на поприще поэзии и прозы? Вот и ненавидит такой горе-критик весь мир, а настоящих писателей — в особенности, вместо того, чтобы любить литературу как читатель. Читатели ведь тоже бывают талантливые и бездарные. Иной читатель талантливее иного писателя!

Нет и истинной культуры там, где нет культа-преклонения перед прекрасным. Не случайно само понятие «культура» родственно слову «культ». Тем, в принципе, и отлична культура от антикультуры, что культура предпочитает видеть-культивировать прекрасное, а антикультура пытается это прекрасное (в частности, проверенную временем классику) развенчать и подменить истинную одноклеточной массовой культурой или субкультурой. Это — тема отдельного разговора, к автору сей книги не относящаяся. Потому что автор этой книги Эдуард Константинович Анашкин не только знает, но и любит литературу, о которой пишет. Сам, впрочем, Анашкин порой подчёркивает, что критиком себя не считает, полагая свои очерки-эссе некими неспешными размышлениями вдумчивого читателя на полях прочитанных им произведений. Тот живейший интерес, что проявляет Эдуард Константинович к тому, что пишут его коллеги, заслуживает отдельного разговора. В городе, перенасыщенном

всякого рода информацией, нечасто встретишь такой живой интерес к литературе даже в литературной среде. Глубинка в этом смысле является хранилищем литературных традиций. Как тут не вспомнить Бунина: «Что такое Россия? Это деревня». Видимо, неспешная сельская жизнь и некий неизбежный для сельской глубинки информационный литературный голод, некая географическая оторванность от большой литературной земли являются основой этого живейшего интереса, с каким Эдуард Анашкин всматривается во все события литературного процесса Самарского региона и всей России. Совершенно правильно делает Эдуард Анашкин, что не разделяет литературу по географическому региональному принципу: этот писатель — наш, самарский, а этот — чужой, московский. Самарский регион — часть большой России, а не некий суверенизированный субъект Федерации. И понять литературный процесс Самарского региона можно только в контексте, а не в отрыве от всероссийского литпроцесса. «Стоячая вода ядовита» — сказал Рохас. А потому и литературный процесс не может быть болотом, в которое ничто не втекает и из которого ничего не вытекает... Иногда кажется, позвони Анашкину в полночь и спроси у него, что написал тот или иной писатель России и над чем тот или иной писатель работает сейчас — и Анашкин ответит на вопрос с исчерпывающей точностью и, что не менее важно, доброжелательностью по отношению к тому, о ком идёт речь. Богатейшая домашняя библиотека Эдуарда Анашкина, где собраны книги современной литературы России — не нечто, покрытое пылью, но постоянно пополняющееся и востребованное. Редчайшие книги, издаваемые небольшими тиражами в самых разных градах и весях России — эксклюзивные экземпляры этих книг с дарственными надписями авторов — составляют основу уникальной анашкинской библиотеки. Сегодня большая литература под напором масс-медиа как бы отодвинута на обочину культурной жизни. Тому способствует непростая обстановка в стране, тотальное наступление коммерциализации литературы и прочего околотературного фаст-фуда. Увы, имеет место некое недопонимание нашими властью и мушкетерами той государственно-идеологической функции, что несёт русская литература. «А кто не внемлет голосу поэтов, тот варвар, кем бы ни был он при этом!», — сказал немецкий классик не только о Германии. Но всё это пройдёт, мутная волна схлынет, Россия — страна слова! — вновь станет собой и литература займёт достойное место в её государственной, общественной и культурной жизни. И по таким редким собраниям, как домашняя библиотека Анашкина, россияне ещё будут изучать литературный процесс в ту его эпоху, когда великую русскую литературу так

старательно хоронили, но она, в итоге, как всегда было, оказалась живее всех гробовщиков, вместе взятых. Живой и по-доброму заинтересованный разговор о литературе — основа этой книги. Такой разговор куда душеполезнее читателю, нежели многие тома пустопорожней, а то и откровенно злобной якобы критики, которая свою душевно-духовную немочь пытается компенсировать махровой терминологией и утомительным многословием. Сегодня, чего греха таить, писатель и книголюб — нечастое сочетание в одном человеке. Анашкин умеет соединять одно с другим. Ему живо интересны люди, и не только писатели. И, как следствие, писателям и читателям интересно то, что пишет Эдуард Анашкин. Это некий процесс узнавания и познания, в ходе которого взаимно расширяются географические и творческие горизонты. Эта книга рождена и продиктована любовью — к литературе, к её творцам, к основам русской жизни. По прочтении очерков Эдуарда Анашкина возникает желание лично познакомиться с людьми, о которых он пишет, нашими с вами соотечественниками и современниками. А главное — познакомиться с их творчеством, что, собственно, и требуется от настоящей критики.

Диана Кан,
член Союза писателей России

Попавшие в переплёт

От автора

Критических статей сегодня много, а вот истинных литературных критиков — совсем даже наоборот! Владимир Бондаренко, Сергей Куняев, Вячеслав Лютый, Валентин Курбатов... Талант литературного критика — редкий талант, даже реже столь редкого таланта прозаика или поэта. А потому следует семь раз подумать, прежде чем «обозвать» себя критиком. Мои эссе — это, скорее, размышления о современной литературе и судьбе творцов этой литературы. Размышления человека, любящего читать и в силу этого имеющего возможность сравнения. Впрочем, мне, литературное крещение получившему в читательском даже по названию городе Чите, да ещё в самое литературное время в самой читающей стране — СССР, грешно и странно было бы не любить чтения! А потому я бы сам назвал свою книгу попыткой возрождения литературного просвещения. Несколько лет назад меня до глубины души поразило, что российские телеканалы «не заметили» скоропостижной кончины гениального русского поэта Юрия Поликарповича Кузнецова. Уж очень были заняты телевизионщики обсуждением очередного развода «голо-систой» певчихи! И я решил: можно возмущаться этим на кухне и в келейных писательских разговорах, но надо реально что-то делать. Тогда я и начал писать и публиковать свои эссе о литературе. Пусть на нашем «тело-движении и радио-визжании» двигают телами и визжат. Их визг преходящ, а поэзия того же Юрия Кузнецова имеет для России непреходящее значение. Конечно, меня в силу проживания в селе, вдалеке от литературных перекрёстков, всегда удручала ситуация, что не всегда есть с кем поделиться впечатлениями от прочитанного. Не скажу, что люди на селе меньше интересуются литературой — на литературных вечерах у нас в селе Майское полные залы. Но хотелось более широкого, не только «соседского» отклика на свои размышления. Наверное, ещё и поэтому решил я однажды выбрать в собеседники лист бумаги.

Читатель наверняка спросит, почему такое название у моей книги — «Попавшие в переплёт»? А разве попадание в переплёт — полиграфиче-

ский! — не есть мечта всех или почти всех писателей? Редкий из нас откажется от мечты стать автором книги в твёрдом переплёте. Иным из нас иногда не хватает жизни, чтобы эта мечта стала явью. Талантливейшему поэту Николаю Луканову, попавшему в нелёгкий жизненный переплёт вынужденного переселенца, в полиграфический переплёт удалось попасть, к сожалению, только после смерти. Да разве ему одному?.. Многие десятилетия я тоже лелеял писательскую мечту издать книгу в твёрдом переплёте — книга «Попавшие в переплёт» и стала воплощением этой мечты. Однако название моей книги, как поймёт проницательный читатель (а на него, собственно, эта книга и рассчитана) есть не только высказывание вслух заветной писательской мечты. Сегодня, к сожалению, любой, всерьёз и надолго решивший посвятить свою жизнь истинной литературе, невольно попадает в сложный жизненный переплёт. Непростые и нелёгкие судьбы героев моих эссе — яркое тому свидетельство. В годы идеологического безвременья русская литература оттеснена на обочину культуры. Отсюда и хронический недостаток финансирования литературного процесса, когда выход книги не про убийство и не про секс воспринимается едва ли не как чудо. Отсюда совершенно необоснованное понижение социального статуса писателя, часто вынужденного материально бедствовать. Это ли не падение в переплёт!

Русская художественная литература, сделавшая России всемирную славу, ныне стала делом писателей-подвижников, которые — каждый в меру сил и таланта — стараются пронести высокие традиции отечественной словесности через смутное время. Зато как приятно, когда приезжают к нам в страну лидеры иностранных процветающих держав и с глубоким почтением говорят о русской литературе. Глава Китая, по его признанию, воспитан на русской классической литературе. Президент богатейшей Южной Кореи, когда-то учившийся в СССР, ещё с юности полюбил русскую литературу. Недавно приезжал к нам в страну новый президент Америки Барак Обама. Выяснилось, что Барак Обама вообще считает толстовский роман «Война и мир» лучшим, что было создано человечеством за всю его историю. Причём это не голословная декларация, что говорится, по случаю. Ведь свою дочку официально Обама назвал в честь жены любимого своего писателя Натали Пушкиной. А неофициально, между собой, в семье Обамы дочку Наташу зовут Сашей — словно бы в честь самого Александра Сергеевича... Что-то ни один из лидеров ведущих мировых держав (тот же Барак Обама!) не назвал в числе культурных достижений человечества так называемое творчество многочисленных

наших «поповиков-затейников» и прочих писателей-либералов, многие из которых, между прочим, в отличие от Льва Толстого и Александра Пушкина, были лауреатами нобелевских премий. Разве уважение лидеров ведущих мировых держав не заставляет задуматься о совершенно особенной — государственной! — роли литературы в жизни России? Но воз пока что и ныне там... Однако возвращаясь к названию этой книги, многие наши гении-словотворцы, если глянуть на их судьбы, никогда не жили легко и просто. Пушкин, Тютчев, Достоевский, Лев Толстой, Лермонтов, Блок, Есенин, Дмитрий Кедрин, Рубцов, Юрий Кузнецов... У каждого из них был свой жизненный переплёт, в который они невольно попадали, служа отечественной словесности. Служившие не за страх, а за совесть и при этом не умеющие прислуживаться, они наживали себе врагов, которые всячески укорачивали им век. За всё в жизни приходится платить и за талант — в особенности. Трагедия судеб великих писателей, видимо, и есть некая плата за особую близость к Творцу через Слово. Ибо «...в начале было слово, и слово было у бога, и слово было Бог...». Я очень желаю героям своих очерков не только вдохновения, но и мужества, час которого на русских часах равен вечности! И благодарен им за то, что они есть!

От всей души хочу поблагодарить редакционно-издательский дом «Российский писатель» и его руководителя, прозаика Николая Ивановича Дорошенко за то, что помогли издать мне книгу «Ангел с огненным мечом» — это первая моя книга, изданная в столице, в столь престижном издательстве. После её выхода я получил много писем от писателей и читателей России. Моя домашняя библиотека, составленная из присылаемых авторами — писателями со всех регионов России книг, ощутимо пополнилась — не успеваю на почту ходить и посылки получать, ощущая тем самым тот отклик на свои размышления, который так важен для любого писателя, а сельского — в особенности.

Хочу также выразить благодарность тем изданиям, которым небезразлична современная русская литература. Спасибо им, публикующим мои очерки-эссе. Спасибо флагману современной отечественной словесности — всероссийскому журналу «Наш современник», у истоков создания которого стоял великий Пушкин. Спасибо «Роман-журналу-21 век» и общероссийской московской газете «Российский писатель», сайту в Интернете «Русское Воскресение» и журналу «Новая книга России», газете «День литературы», всероссийской газете «Патриот», газете «Литературная Россия»... Благодарю всероссийскую «Парламентскую газету»! Спасибо всероссийской «Медицинской газете» и пензенскому журналу «Сура»,

прибалтийскому журналу «Балтика» и алтайскому журналу «Улуг-Хем», московским журналам «Россия молодая» и «Наша улица», журналу православного просвещения «К Единству!». Благодарю самарский журнал «Русское эхо», газету «Вечерняя Самара», газету «Аргументы и факты»... Если кого-то не назвал — не обижайтесь, я помню о вас с благодарностью. Спасибо за информационную поддержку Министерству культуры и информационной политики Республики Тыва. Спасибо администрации моего родного Пестравского района Самарской области, где мне всегда стараются помочь, несмотря на скромные финансовые возможности районного дотационного бюджета. Если бы не они, вряд ли бы мне удалось привезти домой авторскую часть тиража моей московской книги. Конечно же, спасибо девчонкам-компьютерщицам из Пестравки, которые всегда идут мне навстречу, не считаясь со временем, печатая и ксерокопируя мои эссе. Благодарю от всей души редактора этой книги поэтессу Диану Кан — за советы по композиционному построению книги, а также по её полиграфическому оформлению. И, конечно, спасибо Министерству культуры Самарской области и Самарской областной писательской организации Союза писателей России, без организационной и финансовой поддержки которых мне, жителю сельской глубинки, вряд ли удалось бы издать эту книгу.

Эдуард Янашкин

Воронья Слободка и Великий Верх

История человеческой цивилизации — это во многом история Истребления людей в небо. Ещё до того, как человек изобрёл первые летательные аппараты, он во многих видах искусства, в том числе в литературном и песенном творчестве, много и вдохновенно то-сковал о небе. «Чего ж я не сокол? Чего не летаю?». «Почему люди не летают как птицы?». Людям почему-то свойственно думать, что жизнь птиц легка и беззаботна. Подобное мнение опровергнет орнитолог, но мифы более живучи, чем научные изыскания. Реальная жизнь птиц — это вечная борьба за выживание, далёкая от романтики. Стихи самарского поэта Евгения Семичева щедро населены птицами — это я заметил ещё тогда, когда Семичев только-только начал издавать свои первые книги. У каждой из семичевских птиц — свой характер и своя судьба, часто схожие с человеческими:

*У этой сороки залётной,
Что в нашем подворье жила,
Был хвост ядовито-зелёный
И синие с чёрным крыла.*

*Всегда на заборе сидела
И, голову набок склоня,
Она неустанно галдела,
Во всём обвиняя меня.*

*Она никому не мешала
И не воровала цыплят.
Она мне почтенье внушала,
Имея свой собственный взгляд.*

*Сорока была балаболкой,
Но не заслоняла мне свет...
Зачем же ты вышел с дустволкой,
Усталый и хмурый сосед?*

*«Супруга её не любила, —
Он, сплунув, в ответ проворчал. —*

*Она унесла наше мыло.
Зачем?..» — Чтоб умыть сорочат!*

Уже этой неожиданной концовкой, в которой сорока-воровка очеловечивается поэтом вплоть до пользования мылом, поэт ясно даёт понять: его симпатии вовсе не на стороне хмурого соседа с двустволкой. И ещё большой вопрос: кто в данной ситуации более человек — птица или двуногий с двустволкой дяденька.

Собственно, читая семичевские стихи, нетрудно провести параллели между жизнью птиц и жизнью людей. Птицы таким образом как бы становятся очеловечены. А людям такой подход все-таки исподволь напоминает о том небесном Отечестве, которое в земной будничности нами как-то незаметно было потеряно за суетой. Наша забывчивость о высших материях часто приводит к криминальному развитию нашей жизни:

*Разыгралась шальная погода...
Туча слёзы лиловые льёт.
Воровская Воронья слободка
Забубённые песни поёт.*

*На железных скрипучих воротах
Гулко лязгнул тюремный замок —
Молодых воронят желторотых
Воронёный увёз «воронок».*

*По этапу нелёгкая ходка
И решёток стальной переплёт...
Воровская Воронья слободка
Передачку им в зону пришлёт.*

*В эшелоне столыпинском — урки,
Над перроном — дырявый навес,
И надрывно мелодию «Мурки»
Исполняет собачий оркестр.*

*У начальника хриплая глотка
И от ярости вывернут рот.
Провожает Воронья слободка
Воронят на казённый курорт.*

*Всё торжественно, как на параде.
Раскалённые рельсы дрожат.
И стоят паханы при наряде.
И хмельные шалавы визжат.*

*С ног не валит хвалёная водка.
Ворон ворону глаз не клюёт.
На ветру воровская слободка
Подорожную горькую пьёт.*

Мальчишки-хулиганы, подранки забывшего о них общества — то по причине гражданской войны, то послевоенной разрухи, а то и демократических реформ. Сироты при погибших и живых родителях. Я сам не понаслышке знаю горькую долю сиротства. И вижу, что с годами количество сирот отнюдь не убывает в нашем обществе, что делает эту тему печально актуальной. Горькая тема детского и шире — человеческого! — сиротства красной нитью проходит через творчество Семичева. Этой горечью приправлены многие стихи поэта, когда ребёнку-подранку не с кем даже поделиться горем, кроме как с «неразумной» птицей:

*У крылечка мечется подранок —
У него одно крыло подбито.
У меня характер не подарок.
И физиономия бандита.*

*Я стою, угрюмый после драки.
Я, как мог, отчаянно рубился.
Я не понял, где зимуют раки,
И чего хотел — того добился.*

*У меня синяк под левым глазом.
Мне немножко поразмяли кости.
У меня заходит ум за разум
От несправедливости и злости.*

*Мне не жалко новую рубаху,
Потому что драться не умею.
Жалко покалеченную птаху.
Жалко, что я маму не жалею.*

*Я в своих желаниях не волен.
Не с кем даже горем поделиться.
Если человек один не воин,
Помогай, израненная птица!..*

Впрочем, разве только с детьми роднит птиц осознание несовершенства мира. Когда человек отходит от своего изначального божественного предназначения, заключающегося в десяти заповедях, которые практически во всех мировых религиях одни и те же: не убий, не укради, не пожелай чужого — тогда и возникает в мире тра-

гический переко́с, дисгармония, от которой плачут, как дети, даже взрослые мужчины:

*Инженер Егоров под забором
Плачет... А в сиреневой дали,
Проплывая над осенним бором,
Инженеру вторят журавли.*

*Инженер Егоров выпил малость,
А у журавлей — сухой закон.
Что-то надломилось и сломалось
В равновесьи птичьем и мужском.*

*Реют неутешные рыданья
Журавлиным клином вдоль реки
Так, что нервно вздрагивают зданья
И с деревьев падают листки.*

*Значит есть серьёзные причины,
Что вина горючего хмельней,
Если плачут птицы и мужчины
Над великой Родиной моей!..*

Россия даже после того, как из шестой части земли стала «осьминой», всё-таки осталась самой большой страной в мире. Многие народы давно и прочно породнились с русским народом. Конечно, страсти и межнациональные конфликты неизбежно возникают время от времени. Но это как взаимоотношения в большой семье, где в принципе не может быть безоблачного вечного счастья. Но тема поэзии как одной из форм общения человека с Богом опять-таки роднит поэтов самых разных национальностей России. Вот и народный поэт Дагестана Магомед Ахмедов (в авторизированных переводах Евгения Семичева) очень часто обращает свой взор в небо. Увы, небосклон далеко не всегда отвечает поэту-горцу безоблачным ответным взглядом:

*Когда стихи, как горные орлы,
В полёте гордо правят небесами,
И небеса становятся светлы,
И с небесами мы светлеем сами.*

*Когда стихи, как вороны, черны,
Язык небес коверкая безбожно,
Пророчат гибель и разор страны,
И человеку жить на свете тошно.*

*Я славлю гордый взор орлиных глаз.
Небесным светом он стихи питает.
Не слишком много ль воронову нас
На книжных полках ныне обитает?».*

Отдельный цикл в цикле «Воронья слободка» у Семичева посвящён вороне. Невеликая вроде птица, обиходная и отнюдь не романтическая (в отличие от того же символического и метафизического сокола, обильно обитающего на страницах семичевских книг с давних пор. Ворона — она и есть ворона, птица невысокого, что говорится, полёта. Но пока она способна летать, пусть и не высоко, она способна любить землю, над которой воспаряет вместе с думами лирического героя семичевских стихов:

*«Привет!» — мне ворона сказала,
Трескуче глумясь надо мной.
Нас крепко судьба привязала
К скрипучей берёзе одной.*

*Под небом одним обитаем.
И кто нам поставит в вину,
Что мы высоко не летаем
И Родину любим одну?»*

А как вам такая вот исповедь поэта перед скромной каркушей — обитательницей небесного верха? Это даже не просто исповедь, это осознание какого-то родства жизни на обочине и стоического отношения к тому, что жизнь не легка и не щедра на подарки судьбы. Но — никакого нытья, никакого брюзжания не позволяет себе лирический герой. Самоиронично и даже покровительственно обращается к куме-вороне, которую всеми принято презирать. А за что, собственно?

*Поговори со мной, ворона,
Про светлый день, про отчий край.
Тебя, племянницу Харона,
Архангелы не пустят в рай.*

*Всю жизнь обьедками питаться,
Не нанося другим вреда,
И над рекой времён болтаться —
Туда-сюда, туда-сюда.*

*Кому-то с неба — Божья манна
И соловьиный райский сад...
А нам, скрежещущим гортанно,
Дороженька прямая — в ад.*

*И хоть характером неробки,
Не застим мы судьбы ничьей...
Авось сгодимся для растопки
Вселенских пламенных печей.*

*Покуда райские ворота
От нас скрывает злая тьма,
Поговори со мной, ворона!
Не обижай меня, кума!*

Нет, непросто живётся птицам. Но для того, чтобы понять непростоту внешне свободной птичьей жизни, человеку надобно попытаться как бы примерить эту жизнь на себя, пропустить через свое сердце. И тогда станет очевидным, как непросты отношения пернатых с миром да и между собой. Вечная борьба за земное существование приводит к неизбежным конфликтам, когда побеждает сильнейший, а слабому часто не достаётся даже сочувствия. Поэт жалеет именно слабого, не порицая при этом пернатого победителя, потому что понимает, что законы жизни жестоки и не нами писаны:

*Ну, что, бедолага застрешный,
Не сладок удел воробья?..
Опять из тесовой скворешни
Скворцы вышибают тебя.*

*Но только ли горькое лихо
В твоей горемычной судьбе?
Недаром твоя воробыха
Доверчиво жмётся к тебе.*

*Клочок прошлогоднего сена
Да солнечный лучик во мгле...
Не так уж уныло и серо
Твоё житие на земле!*

*Хватает под солнышком вешним
И света тебе, и тепла...
Зачем тебе эта скворечня?
Всего-то четыре угла...*

Мотив нелёгкого выживания звучит во многих стихах — жестокая, но сколь актуальная сегодня тема, когда подросшие дети часто бросают своих престарелых родителей. И вот уже не дети, а родители — сироты при живых детях. Ситуация переворачивается зеркально. Но это зеркало отнюдь не льстит нам. Разве о птицах написано это стихотворение Семичева:

Стареющий сокол, вздохнув тяжело,
Сказал своим отрокам строго:
— Сыны! Я поставил вас всех на крыло
По воле и милости Бога.

Вдохнул в ваши очи сверкающий свет,
Дал имя своё вам и славу...
Теперь, я надеюсь, на старости лет
На вашу опеку по праву.

Так учит нас совесть и боги велят —
Теперь за отца вы в ответе...

— А кто будет наших кормить соколят? —
Спросили у сокола дети, —
— Кто наших поставит птенцов на крыло?..

...И сокол в ответ лишь вздохнул тяжело.

Это тем более трагическое стихотворение, что сиротами при живых и более того — успешных! — детях часто становятся родители, самоотверженно выполнившие свой родительский долг. И опять-таки — разве о птицах пишет поэт:

Ласточка-касаточка, сельская жилища.
Крылья-полумесяцы — острые серпы.
День-деньской заботливо вяжет Божья жница
Из лучей небесных жаркие снопы.

Вознесут их ангелы в небеса хоромные,
Разнесут по яслям, оттесняя мглу.
Будут кушать агнецы золото солозное,
Воздавая Господу звонкую хвалу.

Хорошо им, агнецам — и тепло, и сыто! —
Щедрой Божьей милостью проживать в раю.
Величать молитвенно солнечное жито,
Ласточку-касаточку — кормилицу свою.

У неё, у ласточки, все дорожки — млечные.
И работа тяжкая всякий день в году.
А ещё у ласточки — маленькие птенчики,
Сорванцы сердечные, требуют еду.

Быстро с горки катится золотое солнышко.
А работы всяческой непочатый край.
Поздно засыпаешь ты и встаёшь ранёшенько.
Нелегко даётся он — Божий каравай.

*Может, и не самая лучшая доляночка
Выделена Господом для крестьянских дел...
Не печалься, матушка, ласточка-крестьяночка,
Без тебя б, родимая, мир осиротел.*

Разные птицы у Семичева обладают разными характерами и разными судьбами. Но и сельская ласточка, о которой говорилось выше, и городская ласточка, о которой пойдёт речь, равно должны трудиться, чтобы выжить. Только этот труд они не воспринимают, подобно людям, как некое Божье проклятие — мол, в трудах неуспешных будете добывать хлеб свой. Что ж тут плохого, если человек (или птица) не просто трудится, но видит высокий смысл в своём труде. Этот смысл — не только в сытости и физическом выживании. Он выше и глубже земных категорий. Нелёгкий труд, подобно крыльям, поднимает и птицу, и человека над землёй:

*Городская ласточка — воронок
Поутру срывается с каланчи.
К полотну небесному, как челнок,
Пришивает солнечные лучи.*

*О, моя божественная швея!
Без тебя бы мир стал уныло сер.
Льётся песня ласковая твоя
Ручейком жемчужным с небесных сфер.*

*На лету подхватишь ты Божью нить
(В вышиванье золотом знаешь толк),
Чтобы этой нитью соединить
Грубый холст земной и небесный шёлк...*

*Помогаешь Матери Божьей ты
Плащаницу Господу Сыну шить.
Без тебя весной небеса пусты,
А с тобою солнечно в мире жить,*

*Без тебя я был бы — рогожный тать,
Наломал для ада немало дров,
А с тобой — небесная благодать,
Богородицы золотой покров.*

*Вышиваешь Господу ты венок,
Яснокрылым ангелам ты — родня,
Городская ласточка — воронок,
От небесных дел не отринь меня!*

Птицы-грузики, без которых людям пришлось бы нелегко. Их воспевали не только поэты, но и художники. Одна из лучших картин Саврасова «Грачи прилетели» неслучайно является символом русской глубинки:

*Поля и луга опустели.
Разор прокатил через лес.
Картина «Грачи улетели»
Спустилась на землю с небес.
Утихли пернатые трели.
В природе иной коленкор.
В небесной поёт галерее
Рыдающих ангелов хор.
Неважная, вроде бы, птица —
Степной чернопахотник-грач...
А тёмною ночью не спится
От этой потери, хоть плачь!
Холодные комья матраца
Мне угольем сердце прожгли...
Ну, что ж ты наделал, Саврасов,
Кормильца отняв у земли?
Твой новый сюжет не по теме...
Рисуя ненастную явь,
Картину «Грачи прилетели»
Голодной России оставь!*

Но и нелёгкий труд всё же оставляет птицам, как и людям, возможность воспарения душой. Когда мы говорим о человеке — крылатый, то в первую очередь имеем в виду способность его к творческому парению души над землёй. И образ этой души не всегда — голубица. У Семичева душа может воспарять в небеса и орлом:

*Орёл поднимается в гору, взлетая,
Чтоб мощным крылом подпереть небосклон...
За ним увязалась крикливая стая
Ворчливых драчливых чванливых ворон.
Крылом загибая всё круче и круче,
Над горной вершиной взмывает орёл...
Уже, накатив колесом из-за тучи,
Над ним засиял золотой ореол.*

*В потоках воздушных лучисто блистая
На крылья орла позолота легла...
И тут зароптала сварливая стая,
В бессилье своём обвиняя орла.*

*«Куда мы летим, и орлу неизвестно
Должно быть, он попросту сбился с пути.
Всё глубже и глубже небесная бездна.
В такой крутизне нам голов не снести...».*

*Вороньим речам равнодушно внимая,
Крылами обняв золотой ореол,
«Куда вы летите, откуда я знаю?
А я отдыхаю...» — ответил орёл.*

Тема ученичества и учительства неотделима от темы творчества. Способность души к полёту мы получаем от неба, она заложена в наших генах. Но научить нас летать призваны наши духовные и родные родители — на земле. Показать нам навыки полёта, помочь преодолеть страх высоты. Наконец, благословить нас на этот полет. А то и, если надо будет, устроить нам по прибытии на грешную землю «разбор полётов». Но научить нас летать и объяснить нам, что мы не упадём и не разобьёмся насмерть, может лишь тот, кому мы безоглядно доверяем:

*Мой иссиня-чёрный ворон,
Промотававший триста лет,
В прежней жизни не был вором,
Потому что он — поэт.*

*Он, наверно, был пророком,
Жил не очень-то легко.
Но своим горящим оком
Видел очень далеко.*

*То, что он тогда накаркал,
В этой жизни расцвело...
А вчера над нашим парком
Он простёр своё крыло.*

*А потом, как туз трефовый,
Шуганув шальных ворон,
Он воссел на сук дубовый
Грозно, будто бы на трон.*

*Все деревья задрожали,
Только ворон взгляд воздел...*

*Говорят, что так Державин
На птенцов своих глядел.*

*Над извилистым забором
Ветер стаю листьев взвил...
И меня мой чёрный ворон
На стихи благословил.*

И всё же в православной традиции душа человека более всего отождествляется с голубицей. Образ этот даже древнее Православия на Руси, ибо ещё языческая славянская птица Семаргл так была похожа в трактовке древних художников Руси именно на голубицу — птицу с человеческим лицом, как определяет её поэт:

*Сизая ручная голубица
Кружит над отеческим крыльцом —
Сирая небесная жилица —
Птица с человеческим лицом.*

*Реет над полями и лесами,
Крик её надрывный не унять.
Крестно и крылато небесами
Белый свет пытается обнять.*

*Кротких тихих жителей небесных
Возмущает её дерзкий крик
И на всех наличниках окрестных
Светится её лучистый лик.*

*Перед этим светом я бессилён...
Отчего же мне в родном краю
Так напоминает птица-сирин
Бабку заполошную мою?*

*Бабушка скрестит печально руки,
Глянет с укоризной на меня...
И по обе стороны разлуки
Разлетится вся моя родня.*

*И заплачет о пропащем сыне.
И закружит над родным крыльцом:
Скорбная и вещая, как сирин —
Птица с человеческим лицом.*

С взлетающими в небеса голубями Семичев олицетворяет и души, воспаряющие с земли на небо. Вот он — полёт, о котором многие века тосковал человек как о воплощении не сковываемой ни-

кем свободы. Видимо, пока мы заключены в «темнице» тела, такой полёт нам не дано постичь:

*Словно пламя покаянных свечек,
Голуби трепещут в облаках...
Господи! Мне оправдаться нечем,
Я погряз во всех земных грехах!*

*В Божьем храме праведные свечи —
Кроткие, как будто голубки,
Трепетно пьют слёзы человечьи
С человечьей горестной руки.*

*Голуби во мгле небесной тают,
Вслед им не свисти и не кричи,
Это чьи-то души отлетают
Трепетно, как пламя от свечи.*

Это очень трагическое стихотворение, написанное в форме стансов. Мы получаем абсолютную свободу, только освобождаясь от тела, то есть после смерти. Но при всём своём трагическом взгляде на мир Евгений Семичев умеет увидеть тот свет, который является залогом возрождения и надежды. Нет, семичевский свет — это не свет в конце тоннеля, который на поверку оказывается светом приближающегося поезда. Это всепобеждающий и не ограниченный ничем свет, который проливается над нами с неба, с нашей небесной отчины, о которой мы, живя на земле, обречены вечно тосковать. Но не эта ли тоска по высокому, сопряжённая со светом веры, делает нас людьми, способными к полёту?

*Те, кого я на небе оставил,
Не забыли ещё обо мне,
Надо мной перелётная стая
Проплывает в закатном огне.*

*И кричу я встревоженным птицам:
«От меня передайте привет
Тем, чьи добрые кроткие лица
На меня проливают свой свет...».*

*Этим светом я жизнь свою полню,
К этим лицам всем сердцем стремлюсь,
Потому что люблю их и помню,
И однажды навек к ним вернусь.*

«...И пела русалка...»

*...И песен небес заменить не могли
Ей скучные песни земли...*

Михаил Лермонтов

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной.
И хотела она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.
...И пела русалка.*

И звук её слов

Долетал до крутых берегов...

Михаил Лермонтов

...Я в реке живу, а не купаюсь...

Диана Кан

Новая книга Дианы Кан — литературное событие не только для Самарской области, но и для всей читающей России. Выход одновременно двух книг — событие, приятное вдвойне. Книга «Покуда говорю я о любви» представляет избранные лирические стихи поэтессы и вряд ли выйдет за пределы Самарской области, т.к. издана по программе «Народная библиотека Самарской губернии» для библиотек Самарского региона. В книге «Обречённые на славу» творчество поэтессы представлено более полно, но, к сожалению, тираж этой книги в двести пятьдесят экземпляров вряд ли можно считать достаточным для поэтессы, известной далеко за пределами региона. Печально, что чем более становится Диана Кан известна, тем меньше тиражи её книг. Предыдущая её книга «Междуречье», вышедшая в 2007 году тиражом в пятьсот экземпляров, по сравнению с «Обречёнными на славу» — феномен тиражности! Таковы уж, к сожалению, реалии самарского регионального книгоиздания и приходится радоваться, что хоть минимальными тиражами, но выходят книги самарских писателей... Обе новые книги Дианы Кан предваряет глубокое исследование творчества Дианы Кан, автором которого является известный литературный критик из Воронежа Вячеслав Лютый. Творчество Дианы Кан многогранно. Её никак не назовёшь поэтом одной темы. Каждый читатель найдёт, что сказать

о стихах этой замечательно талантливой поэтессы. Меня вот уже несколько лет занимает немаловажная, на мой взгляд, для понимания творчества Кан тема, пока остающаяся за рамками внимания литературной критики. Говоря об образно-народных истоках творчества поэтессы, нельзя обойти вниманием тему воды, реки и напрямую связанную с ними тему русалок, которая звучала ещё в ранних стихах поэтессы, до того, как зазвучала в полную силу тема воды, реки, Волги. На Троицу, за которой, как известно, следует русальная неделя, я взялся перечитать сборники Дианы Кан, имеющиеся в моей домашней библиотеке. В русальную неделю, по древним русским поверьям, русалки выходят из воды, гуляют по полям, раскачиваются на деревьях (предпочитают ивы и берёзы), могут очаровать и увлечь за собой в реку беспечного путника и поминай, как звали... Всю русальную неделю, уверен наш народ, купаться нельзя. А если уж идёшь на реку, прихвати с собой «окаянную траву» полынь, запах которой отпугнёт русалок. Это — легенды, в которых заключена глубинно-родниковая поэзия национальной жизни народа. На мой взгляд, именно изначальным «русафильством» творчества Кан объясняется столь явное тяготение ко всякого рода «русальным» деревьям — берёзе, иве:

*Быть просто берёзой на вашем пути —
Такой, чтобы вам её не обойти,
Такой, чтобы взгляда не отвести
Хочу быть берёзой на вашем пути.*

*Быть грустною ивой над синим прудом,
Чтоб нежить в тени солнцем мучимый дом
Чтоб думать, склонясь, лишь о вас об одном
Быть грустною ивой над синим прудом...*

Это стихотворение включено в первую книгу Кан «Високосная весна». Спустя многие годы «древесно-русально-речное» преломление темы любви в стихах Дианы просматривается не менее отчётливо. Вот, например, одно из новых стихотворений поэтессы:

*С южным ветром встречается огненный ветер востока.
И, обнявшись, идут шалобродить в окрестных лугах,
Растревожат и разбередят молодую осоку
И заснут у задумчивой ивы в зелёных кудрях.
Убаюкает их, приголубит печальная ива,
Хоть никто из двоих ей не сужен, не нужен, не мил...*

Традиционно в тему неразделённой женской любви у Дианы Кан влетена «русальная» речная тема. Лирическая героиня Кан

стремится не просто уподобиться священным в народных поверьях славян деревьям — берёзе, иве. Героиня стихов Дианы воплощается в эти околоречные растения — становясь берёзой, ивой с зелёными русалочьими кудрями, осокой... По моему убеждению, именно из мотива слияния с окружающим миром во многом проистекает неподдельное очарование стихов Дианы Кан, которое не могут до конца объяснить исследователи её творчества. Очарование творчества Дианы Кан во многом проистекает также из «лунно-женского» начала её творчества. Испокон веков луна у славян ассоциировалась с женским началом, как солнце — с мужским. Позднее мотив слияния со стихией родной природы проявится у поэтессы в лироэпических стихах и поэмах о русских реках, и, конечно, о главной русской реке Волге. Первым на размышления о теме русалочье-лунного аспекта лирики Дианы Кан навёл меня критик Вячеслав Люты́й ещё в своём первом исследовании творчества поэтессы, которое называлось «Поручение». Эпиграфом к «Поручению» были вынесены лермонтовские строки:

*...И звуков небес заменить не могли,
Ей скучные песни земли...*

Лермонтовское «лунное» начало ранней поэзии Дианы Кан очевидно. Эта «лунность» вполне в русле русалочьего бытия:

*Подошёл. Ресницы опустил.
Наклонился долу.
Робкие кувшинки положил
К моему подолу.
Он сказал: «Я видел вас вчера...
Вы купались... вы не рады встрече?...».
Он сказал: «Прохладны вечера...».
И накинул мне пиджак на плечи.
Стала даль упряма и чиста,
И заклято ала.
С чешуи змеиного хвоста тишина стекала.
Я сидела с ним на берегу.
Глаз поднять не смела.
Я клялась ему, что сберегу
Голубое тело.
Заживём в кувшинковом раю,
Милый мальчик, всем другим на зависть...
Бедный мальчик, баюшки-баю,
Я в реке живу, а не купаюсь.*

Последняя строчка этого раннего стихотворения — одно из первых упоминаний реки, вообще, в поэзии Дианы Кан. Это отмечает Вячеслав Лютый в новом своём предисловии к книге Кан. Попутно уважаемый критик из Воронежа замечает весьма показательную особенность творчества Кан — полное отсутствие в её стихах моря при обилии всевозможных рек, речек, речушек, прудов... Думаю, что такая особенность закономерна в творчестве русской поэтессы. Славяне с древнейших времён обитали по берегам равнинных рек. А древнерусские русалки, в отличие от западноевропейских морских сирен, были речными обитательницами пресных вод.

*Уже никого и ни в чём ни вино
Молюсь навсегда уходящему дню.
И смотрят последние астры в саду
На то, как топиться хожу я к пруду.*

На первый взгляд, странно выглядит поведение лирической героини этого четверостишия. Но странно такое поведение только для обычной девушки, никак не для русалки, которая в пруду живёт. Русалочья тема очень важна в творчестве поэтессы, так как эта тема находит продолжение в эпической теме российских междуречий, реки-речи как символа течения русской жизни, собирания народов вокруг реки-речи. Тема Волги и Урала в творчестве Дианы Кан представлена не только в лунном, но и в солнечном свете. Тема русалок и тема луны в творчестве Дианы Кан соседствуют. Само имя Диана символизирует луну, что придаёт некую символическую подсветку многому из того, что написано поэтессой. А древнетюркское слово «кан» в Сибири является обозначением реки. Лунная тема более ярко звучит в раннем творчестве поэтессы, символически ассоциируясь с той непростой сумеречной эпохой, которая выпала на долю поэтессы. Однако далее в творчестве Кан происходит метафизическое возвращение лирической героини к началу начал — солнечному Светояру-Яриле, которому некогда поклонялись скифы — славяне, называемые Дианой Кан «обречёнными на славу»:

*Мы пасынки своей земли родной
Под блёклой остывающей луной.
Немые тени на глухой стене.
И солнце, отбродившее в вине.*

*Отпело в скифских золотых веках
И запеклось на сомкнутых губах
Угрюмое славянское вино,
От коего в глазах темным-темно.*

*Бредём ли пеше, скачем на коне
Иль стынем в ледяном крещенском сне,
Польного похмелья тяжкий вздох
Тревожит тишину былых эпох...*

Это одно из самых трагически «лунных» стихотворений Дианы Кан. И очень нетипичное для поэтессы, не склонной к пессимизму в творчестве. Но слова из песни, как и стихотворения, из книги, не выкинешь. Показателен в этом стихотворении эпитет—определение похмелья — полынное. «Трава окаянная» в данном случае — образный берег погрязшей во мраке родины, которую смута-русалка грозит безвозвратно утянуть на дно пучины. Но важно в данном случае не отдельно взятое трагическое стихотворение, а всё более отчётливое восхождение лирической героини Кан от луны к солнцу, от безысходности к надежде.

*Сладко спит, озаряемый полной луной,
Весь продутый ветрами посёлок Степной... —*

пишет Диана Кан об Оренбурге — городе, в котором на протяжении многих поколений жили её предки-казаки. Здесь явная ассоциация родного города с лермонтовской русалкой, тоже «озаряемой полной луной». Оренбург и Урал — поэтическая родина Дианы Кан, где она написала первые стихи, издала первую книгу. Но что показательно: движение лунного света в сторону солнечной надежды звучит, казалось бы, в сугубо лирических стихах Дианы:

*...Соперниц погубленных жалко.
Я в пруд с головою войду —
Там плещут хвостами русалки
В моем воспалённом бреду.*

*К которой из этих колдуний
Крадётся, как тать, в тишине
В часы роковых полнолуний
Мой свет ненаглядный во тьме.*

*Лукавый, дрожащий, отравный,
Продрогший на стылом ветру...*

Пока ещё свет видится лирической героине «лукавым» и «дрожащим», но важно само движение. Отношение к русалкам в народе разное. Древние славяне опасались этих «бледных дев», считая, что они губят заплутавшихся путников. Полюбивший русалку человек считался пропащим для мира людей. С другой стороны, считалось — там, где русалки бегали и резвились, трава росла гуще и

зеленее, а хлеба родились обильнее. Русалка Дианы Кан не боится солнечного света, приветствуя рассвет:

*Надменной Волги кроткое лобзанье
Босой ногою сладко ощутив,
Стою на берегу июньской ранью...
Щенком в колени тычется прилив.*

*Вовек себе не знающая равных,
Могучая свободная река —
Всё ей к лицу — надменная державность
И нежность беззащитного щенка.*

*Здесь ветерка сквозное дуновенье
Хранит пьянящий аромат ухи.
Здесь так легко в приливе вдохновенья
Стихия превращается в стихи...*

*...По плёсам бегать, ноги обжигая,
Секретничать с прибрежным камышом.*

*Хоть он не сват, не брат мне, не приятель,
Я с волжским камышом накоротке.
Мне рядом с ним не стыдно, скинув платье,
Плескаться по-русалочьи в реке...*

Родственностью отношений лирической героини-русалки и Волги проникнуто это стихотворение. Иначе зачем бы надменная Волга столь кротко ластилась к ногам лирической героини? Нельзя в полной мере понять стихи Дианы Кан о русских междуречьях и Волге без учёта «русалочьей» составляющей творчества поэтессы. Прочитую в качестве примера одно из «титულных» стихотворений Дианы Кан «Сказ о Волге»:

*Плывущая вдаль по просторам, как пава,
И речь заводящая издалика,
Собой не тончава, зато величава
Кормилица русская Волга-река.*

*По чуду рождения ты — тверитянка.
Слегка по-казански скуласта лицом.
С Ростовом и Суздалем ты, угличанка,
Помолвлена злат-заповедным кольцом.*

*Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи.
Они и шумят, и копят, и дымят.*

*Нет-нет, да порой замутится от саж
Твой, матушка, неба взыскующий взгляд.*

*Устанешь под вечер... Позволила б только
Водицы испить с дорогого лица.
Красавица Волга, работница Волга
Заботница Волга, сказительница...*

*...Мила твоя речь о былинных верховьях.
О том, как роднишься с Москвою-рекой.
И как в астраханских твоих понизовьях
Цветёт дивный лотос, омытый зарёй...*

В дельте Волги обильно цветут кувшинки, по-научному называемые нимфеями. Тема нимф-русалок в творчестве Дианы Кан есть и предтеча, и естественное продолжение темы Волги — колыбели славянских мифов.

«Любовь моя – печаль моя...»

Редактировать книгу Виктора Петровича Полякова «Любовь моя — печаль моя...» мне было очень легко и — очень трудно. Легко — потому, что это талантливая книга поэта состоявшегося. Книга о большой любви, которая далеко не каждому из нас, грешных, даётся. О любви, озарившей всю жизнь замечательного самарского кардиохирурга Полякова, врача и поэта от Бога, ставшего таковым во многом благодаря этой своей большой счастливой любви к супруге Александре Спиридоновне. И в то же время, не скрою, соприкосновение с рукописью этой книги далось мне с трудом, потому что счастливая любовь, озарившая жизнь её автора, всё-таки оказалась для Виктора Петровича трагической. Многие стихи в книге — словно кровоточащие сгустки боли, не знающей срока давности. Эта боль не лечится, уж кто-кто, а врач Поляков это знает лучше других.

Поляков не просто врач, но — выдающийся врач. Единственный кардиолог в нашей стране, который сумел во время одной операции по устранению кардиомиопатии провести сразу четыре самостоятельных, по сути, операции. Это аорто-коронарное шунтирование, замена клапанов сердца, лечение мерцательной аритмии и уменьшение расширения левого желудочка. Каждая из перечисленных операций требует от врача высочайшего профессионализма. Операционное устранение аритмии под названием «Лабиринт» могут делать только в Самаре да ещё в знаменитом Бакулевском центре сердечно-сосудистой хирургии. Виктор Петрович изучил методику этих операций в США. Но как человек воистину творческий сумел усовершенствовать методику американских коллег по-русски. Немногие знают, (сам Поляков об этом вспоминать не любит), что в 70-х годах его, тогда ещё молодого куйбышевского врача, пытались «переманить» в московскую «Кремлёвку» — Четвёртое Управление Минздрава СССР. Кто-то скажет, что это — предложение, от которого не отказываются, и будет прав! Но Поляков отказался, предпочтя Москве Куйбышев. Отказался, потому что понимал: плодотворно развиваться как врач, имеющий право на эксперимент, он сможет только в Куйбышеве, а никак не в заорганизованной «Кремлёвке»...

Поляков не просто поэт, но талантливейший поэт. Спросите, каким образом я могу это определить? Нет, не количеством изданных книг определяется это. Хотя Виктор Петрович написал заме-

чательные лирические книги: «Выбор», «Озарение», «В водовороте бурных дней». И каждая новая из этих книг не просто продолжение предыдущей, но — новый творческий этап. Но дело опять-таки даже не в книгах. А дело в том, что поэт от Бога даже в тех ситуациях, когда ему трудно (а русскому поэту легко не бывает в принципе!), когда ему безысходно, думает не только о себе. Точнее, о себе он вообще не думает! Он ощущает в себе призвание и обязанность, поднявшись над собственными бедами (чего это порой стоит!), вселить в сердце читателя веру в лучшее, надежду и мужество перенести посылаемые нам испытания. «С любимыми не расставайтесь!» — словно кричит новая книга Полякова. Пусть злой рок вырывает любимых из ваших объятий, не отпускайте их никуда из своего сердца!

Я жизнь прожил — как поле перешёл

С его благоуханьем и прохладой.

Мне так с тобою было хорошо,

Что больше б ничего уже не надо.

Но все твердят, что это тяжкий грех,

Взять и от чаши жизни отвернуться.

Но я б давно махнул рукой на всех,

Да мне с тобою страшно разминуться.

Вдруг вправду так: осудит высший суд —

Совсем другой, не наш, не человеческий.

Неважно мне, куда меня сошлют,

А важно, что с тобой не будет встречи.

Нет, я судьбу не стану изменять.

Пускай влекут меня её капризы!

А ты смотри с портрета на меня

С загадочной улыбкой Моны Лизы...

Книга «Любовь моя — печаль моя...» посвящена горячо любимой и скоропостижно скончавшейся жене, с которой Виктор Петрович прожил в счастливом браке пятьдесят лет без одного года. Воспитали Поляковы замечательных сыновей Павла и Алексея, которые, по примеру родителей, стали врачами. Познакомилась будущая чета Поляковых в институте. Первокурсник Виктор влюбился в третьекурсницу Александру: умницу, красавицу, активистку профсоюзного движения. Поклонников у такой девушки, понятное дело, хватало. Но всем другим она предпочла Виктора Полякова. Я уверен, такие семейные союзы заключаются на небесах! Это не просто брак между мужчиной и женщиной в том обывательском смысле, в каком он обычно рассматривается. Это высокодуховный союз единомышленников и душевно созвучных друг другу людей.

Супруги были не только коллегами-врачами. Не только заботливыми родителями. Благодаря своей Шурочке, Виктор Петрович начал писать стихи, с годами превратившись в очень самобытного русского поэта-лирика. Благодаря поддержке жены, поэтический голос Полякова с годами мужал и креп:

*Здесь ветер ночной летает,
Корёжа на крыше жесть.
Мне только тебя не хватает,
А всё остальное — есть.
Но отдых мне здесь не в отдых,
Страдая, томясь, любя,
Я б всё остальное отдал,
Чтоб только обнять тебя!*

Это стихотворение с коротким посвящением Шуре написано в далёком 1957 году. Очевидно, что оно навеяно недолгим по времени расставанием с женой. Как же нелегко переживал Поляков даже краткое расставание с женой! Нетипичный, прямо скажем, случай, потому что немного найдётся мужчин, не охочих неделку-другую отдохнуть от семейного счастья. Поляковы и тут являли счастливое исключение из обывательских правил. Как же мудра и прозорлива была Александра Спиридоновна, что в своё время по достоинству оценила поэтический дар мужа, помогала ему сохранить в душе этот лирический, ею же зажжённый огонь. Ведь после скоропостижной смерти жены именно поэзия стала спасительницей-исповедницей Полякова. Изливаясь на белый лист, кровоточащие болью слова хоть на время утешали душу.

*Мы с другом посидели вечерком
И выпили с ним стопку не одну.
Он раньше с этим горем стал знаком,
Похоронив любимую жену.
Я почитал последние стихи —
Из глаз мужская вытекла слеза.
А он был с детства парень от сохи
И мне слова такие вдруг сказал:
«А всё-таки тебе полегче, брат,
Хотя, конечно, каждому — своё.
Я боль в себе переварил стократ,
Ты ж на бумагу выплеснул её.
И я подумал: прав он или нет?
Ведь, если прав, так это ж — хорошо.*

*И до сих пор ищу в себе ответ,
И до сих пор ответа не нашёл...*

«Прочитать эти стихи — значит осмыслить и собственную жизнь, очистить душу от мелочного, корыстного, ложного, прикоснуться к истинной красоте... Мир поэта Полякова — мир красок, оттенков, точно отражающих настроение и чувства. Любовное чувство в его стихах перерастает в раздумья о вечном: жизни и смерти, добре и зле, настоящих и ложных ценностях, соединяется с мыслями о родной земле, природе, человеку...» — так считает другой мой коллега, поэт, член Союза писателей России Виталий Сивяков из Тольятти. Сивяков — автор послесловия к книге «Любовь моя — печаль моя...». Порой я думаю, что многие годы именно поэт Поляков спасал кардиохирурга Полякова от «сердечной недостаточности», помогая не очерстветь душой в тяжкой «кровавой» врачебной работе. Теперь, наверное, пришла очередь врача Полякова спасти поэта Полякова. Не дать поэту утонуть в безысходности страшной потери. Потому что врач должен прежде всего думать не о себе, а о других — пациентах, близких людях. Это — призвание Врача, его Великая Голгофа, которую не покидают по собственной воле:

*Я решил уходить, ничего не сказав,
Избавленье ждало меня скоро.
Только сына глаза, только сына глаза
В душу глянули с горьким укором.
И сложил я ружьё и на место отнёс,
Словно от наважденья очнулся.
Не принёс детям мук, не удвоил их слёз
И к себе на Голгофу вернулся...*

Или:

*Успокоится сердце не скоро,
Да такого не может и быть.
Я не жду ни оценок, ни споров:
Смысла нет ни судить, ни хвалить.
Я не думал о том изначально,
А сейчас говорю наперёд:
Может быть, этот опыт печальный
В чьей-то жизни свой отклик найдёт...*

Александра Спиридоновна была для Виктора Петровича ангелом-хранителем во всём — в работе, в семье, в литературном творчестве. Она была не просто заботливой женой и хранительницей очага. Она была очень талантливым врачом, заслуженным врачом РФ, помогала мужу создать кардиологическую службу в Самарской

области. Была, понимала, работала, любила, согревала, вдохновляла, помогала... Увы, все это глаголы прошлого времени — счастливого времени, которое закончилось для супругов Поляковых летом 2005 года. Поляковы были на даче, отдыхали в воскресный день. Александра Спиридоновна захотела покататься на лодке по Волге. Неловкое движение — и весло ударило её по левой стороне... Истекающую кровью, её привезли в город. И Александра Спиридоновна умерла на руках у мужа, выдающегося врача: даже он бессилён был помочь своей любимой. С 2005 года у поэта Полякова время любви сменяется временем печали:

Милый Бим, не спорить нам с судьбою:

Оказалась доля нелегка.

И скулим ночами мы с тобою,

Два осиротевших мужика...

И в тоске вечернею порою

Мы выходим — даже не скажу —

То ли ты берёшь меня с собою,

То ли я собачку вывожу.

Я тебя, конечно, приласкаю

И поесть найдём чего-нибудь.

Правда, может, пища не такая,

Но уж ты, дружок, не обессудь.

Хорошо, хоть ты живёшь без муки,

Только грусть в глазах я уловил:

Ты же помнишь ласковые руки?

Я их тоже, милый, не забыл...

Виктор Петрович часто бывает у меня в селе Майское. Я люблю общаться с ним, хотя Поляков немногословен и этим напоминает мне моих родных сибиряков. Впрочем, Сибирь ни при чём, Виктор Петрович родом с Урала, из Оренбургской области. Меня всегда удивляет простота его обращения с людьми — при таком-то количестве государственных наград и таком высоком статусе! Поляков любит посидеть с удочкой на берегу протекающей недалеко от его дома речушки Мокрой Овсянки... Приятно думать, что, может, именно в эти моменты и рождаются в душе Виктора Петровича стихи — кто знает, кто знает... Во время неспешных наших разговоров и родилась идея издания сборника стихотворений «Любовь мои — печаль моя...». Честно говоря, поначалу я растерялся, когда Виктор Петрович попросил меня стать редактором ЭТОГО сборника — очень личного для него как автора. «Вправе ли я редактировать кровоточащую боль?» — подумал я тогда. Но понимал, что сво-

ей просьбой Поляков оказал мне большое доверие... Я рад, что эта светло-печальная книга состоялась и вышла. Приятно удивило прекрасное художественно-полиграфическое оформление сборника — это заслуга сына Виктора Петровича Павла. Бог вообще одарил Полякова заботливыми умными детьми и любознательными внуками, любовь и ответственность перед ними во многом держат Виктора Петровича в нелёгкой его нынешней жизни:

*С первой мыслью — о тебе — я просытаюсь
И с последней — о тебе — я спать ложусь,
Вот уже четвёртый месяц, как и маюсь,
И для жизни настоящей не гожусь.*

*Ни работа, ни охота не спасают,
Ни общенье, ни застолье не берёт.
Только в дрожь воспоминания бросают
Да тоска меня грызёт, грызёт, грызёт...*

*Я стараюсь — людям смерть отодвигаю,
Детям, внукам верой-правдою служу,
Понимаю, что так надо, понимаю,
Только места на земле не нахожу...*

Книга «Любовь моя — печаль моя...» не о смерти. Она о любви. К женщине. К работе. Поэзии. Детям. Внукам. Другим. О любви к ЖИЗНИ эта книга, сколь бы краткой ни была жизнь человека на земле! Эта книга о той любви, которая помогает нам противостоять небытию.

*Благословляю прошлые года,
Тот день, когда я встретился с тобой.
Осенний день... И стала ты тогда
Моей любимой, другом и судьбой.*

*Я находил всегда в тебе ответ
И ни за что тебя я не корю:
Боготворил тебя полсотни лет,
Я и сейчас тебя боготворю!*

*С тобою всё мне было по плечу.
И пусть теперь я тлею — не горю,
За то, что ты зажгла мою свечу,
Благодарю тебя, благодарю...*

Это не только книга-память, но и книга-благодарение. И в ней печаль невосполнимой утраты врачует осознание счастья дарованной свыше любви, победить которую не смогла даже смерть любимого человека.

Внутри языковой стихии...

В 2009 году исполнилось 75 лет Борису Зиновьевичу Сиротину — замечательному поэту, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с Самарой и Волгой. Борис Сиротин — член Союза писателей СССР–России, лауреат ряда федеральных и региональных литературных премий, автор нескольких десятков поэтических сборников. Его стихи вошли во всеобщие антологии поэзии и публикуются во многих авторитетных всеобщих изданиях... Продолжать перечисление сиротинских регалий можно долго, но само словосочетание Борис Сиротин в лишних комментариях не нуждается.

Борис Сиротин — это долгая плодотворная жизнь в литературе. Это безупречный, на уровне классики, творческий почерк... По символическому совпадению, 2009 год — это и год двадцатилетия нашего личного знакомства с Борисом Зиновьевичем. Знакомства, которым я обязан известному самарскому журналисту Евгению Николаевичу Жоголеву, работавшему тогда в газете «Волжская коммуна». А вот знакомство моё с сиротинским творчеством и того «древнее» — первым, от кого я услышал стихи Сиротина несколько десятков лет назад, был его ученик, поэт из Тольятти, член Союза российских писателей Александр Степанов. Конечно, после того, как о Борисе Сиротине сказал своё веское слово выдающийся российский литературовед Вадим Валерианович Кожин, было бы наглостью пытаться что-то «досказывать». Тем более, что сам поэт очень дорожит мнением Вадима Валериановича, которому посвятил не одно своё стихотворение:

*Через белый-белый день
Над рекой и кромкой леса
Дельтаплан скользнул, как тень
Безмоторного прогресса.*

*Канул, небо не коптя,
Летний миг не оглушая...
То ли Бог, то ли дитя,
То ли бабочка большая...*

*Человек мелькнул в тиши —
Совпала, как хотела,*

*Сила лёгкая души
С устремлениями тела.*

*С тротуаров и шоссе,
И с реки, прервав движение,
Целый миг глядели все
На высокое скольжение...*

Однако думается, что 75-летний юбилей поэта-земляка, а также официальный, можно сказать, заказ на эссе о нём со стороны председателя Самарской областной писательской организации Александра Громова, даёт мне товарищеское право немного рассказать о «своём» Сиротине.

Каким я его знаю на протяжении двух десятков лет? Об этом всё равно не скажешь лучше, чем сказал сам поэт-юбиляр, правда, в канун другого своего юбилея, четверть века назад:

*Пятидесятая весна.
Живи, за всё святое ратуй.
Но и подумай: чем она
Отлична от твоей двадцатой?*

*Ещё открытой и сильней
Любовь к тому, что в мире бrenно.
Как и к тому, что в толще дней
Merцает тайно и нетленно.*

*Merцанье это разглядел
Совсем недавно ты, однако —
И отодвинулся предел,
И словом стала смутность знака.*

*Открылись двери без числа,
Дохнули реки, как преданья,
И жизнь на новый круг взошла
В любви, надежде, состраданье.*

*И мысль о счастье в тетрадь
Легла и здесь горит, как дата!
Ведь жить не значило — терять,
В чём убеждал ты всех когда-то...*

Стихи Бориса Зиновьевича всегда ассоциировались у меня с классикой. Не потому, что поэт порой употребляет слова на старинный лад. Например, в приведённом мною стихотворении полностью проговаривает, словно «пропеваает», слово «счастье». Через певучую

букву «и», а не через «быстрый» в произношении мягкий знак. Дело не в словах и не в буквах. А в той атмосфере прозрачной величавости и пиетета перед классической формой стихосложения, которые так редки ныне. Насколько я знаю Бориса Зиновьевича, он и в жизни такой же, как в стихах — живое опровержение расхожего обывательского мнения, что поэт должен быть расхристанным, расброшанным, похмельным, небритым, сумбурным... Нет, Сиротин всегда, даже дома, подтянут и скрупулёзно аккуратен. Он сын гармонии, а не хаоса. И в жизни, и в творчестве. Но и слащавой неискренней отретпетированности при этом он не терпит — ни в жизни, ни в стихах:

*Слишком много рифмованной речи,
Слишком много изысканной лжи.
Сядь напротив меня, человеце,
В прозе правду свою расскажи.*

*А не можешь, тогда и не тискай
Деревянное слово в строку.
В степь пойдя, поклонись обелиску,
Возле стада присядь к старику.*

*Пусть заблещут волнения слёзы
Пред землёю, такой не чужой.
Полон мир удивительной прозы,
Дай ей небо, коль есть за душой.*

*А не можешь, уйди, не переча,
И печать на уста наложи.
Слишком много рифмованной речи,
Слишком много изысканной лжи.*

Всю жизнь прожив «внутри языковой стихии», поэт преобразовывал эту стихию в гармонические поэтические произведения. Это сегодня Борис Зиновьевич Сиротин — известный российский поэт и в силу степенности своего поведения многим кажущийся таким литературным «небожителем», занятым исключительно «высокими материями». Но это — со стороны людей, мало его знающих. А мне довелось «пересекаться» с поэтом не только в Самаре, но и в Москве, где мы, случалось, живали в Переделкино в одно и то же время. Подолгу жить в Переделкино не получалось, потому как плата за постой в этом некогда общедоступном писательском Доме отдыха ныне не по карману писателям-провинциалам. А по несколько дней, бывало, жили-жительствали. Обедали в столовой, гуляли по переделкинским окрестностям, беседовали о жизни и литературе. Поэтому я знаю и другого, не парадного и застёгнутого на все пуговицы Сиротина, а — человека

ранимого и даже застенчивого. Искренне влюблённого в СЛОВО, которому, в сущности, и посвятил всю свою жизнь, Сиротина, который, если надо, может приготовить прекрасный обед из трёх блюд. Который не упустит случая обратить внимания на симпатичную женщину. Не уступит молодым в летнем заплыве на волжском пляже. Думаю, не в последнюю очередь творческое плодотворное сиротинское долголетие обусловлено его тяготением к порядку, любовью к контрастному душу и здоровому образу жизни. А кое-кто из самарских писателей порой с удовольствием вспоминает молодого Бориса Зиновьевича — жадного до жизни, эмоционального, дерзкого, влюблённого в степь, в Россию, в поэзию, в героев своих первых журналистских очерков. Что же помогло поэту не сбиться в пути, не растратить свой талант на житейщину и бытовуху и состояться, несмотря ни на какие житейские передрыги, в качестве целой эпохи в самарской поэзии? Сам Борис Зиновьевич отвечает на этот вопрос так:

*Легко расходовать свой пыл
Нам на сравнения лихие,
А надобно, чтоб образ жил
Внутри языковой стихии.*

*Чтоб из неё не выпирал,
Но и не выглядел бы бедным,
А был, как в почве минерал
Иль стая в небе заповедном...*

*Ах, не для вас, ах, не для вас,
Для самого себя, не боле,
Зарифмовал я сей наказ,
Чтоб жить — и помнить поневоле.*

Стихотворение это написано задолго до того, как в нашей стране вспомнили об изначальном значении слова «духовность». Говоря об «образе», конечно же, поэт говорит о том, что всякое настоящее творчество является обращением к Богу. Это вовсе не значит, что следует по поводу и без оно поминать всеу имя Божье, как это любят делать посредственные стихотворцы, сочинители «перлов» приходской поэзии. Истинный поэт обращается к Богу даже тогда, когда, казалось бы, просто смотрит в небо — именно так у Сиротина:

*Счастливей, я усну под вишней.
Сквозь белый цвет,
Как через сеть,
В лицо небесный свод подвижный
Мне тихо будет пламенеть.*

*И там, где солнечные пятна
Блуждают, сея лёгкий свет,
Мне сон приснится благодатный,
Что смерти не было и нет.*

*Былые лица мне приснятся,
Воскреснут прежние года...
Мне б никогда не просыпаться
Под этой вишней.
Никогда!*

*И только слышать:
Мощно реки
Текут — им нет пути назад,
И сквозь зажмуренные веки
Черты небесные сквозят.*

Сиротину никогда не были интересны заказные «гимны». Ему интереснее было подмечать потайные подспудные процессы, происходящие в душе человека. Часто такие процессы происходят незаметно даже для нас самих, чтобы в одно прекрасное утро мы, неожиданно для самих себя, проснулись преображёнными. В стихотворении «Пасха» художественно запечатлён этот процесс «вызревания» человеческой души и выплавки Вифлиемской Божественной звезды над Волгой:

*Быть может, рано утром
Играл зелёный луч.
Но в полдень в мире углом
Ярился ветер жгуч.*

*Быть может, утром веткам
Мерецилась листва.
Но в полдень в мире ветхом
Скрипели дерева.*

*И птиц летели тьщи
Тугому ветру встречъ,
И мир в тяжёлом днище
Вдруг обнаружил течь...*

*Но нет, не о печали,
О том, что жизнь светла,
Сквозь ветер нам звучали
Порой колокола.*

*Как хорошо, как древне
Шёл медный гул в бору,
И ёжились деревни
На молодом ветру!*

*А в городе не тихли
До ночи провода,
И выплавлялась в тигле
Над Волгою звезда...*

Тема родной степной самарской стороны, истории нашего края Сиротина волновала всегда. В этом смысле он — один из самых «благодарных» поэтов, никогда не забывавших о земле, по которой ходит, и воздухе, которым дышит. Доброе слово и Волге приятно, особенно, когда это доброе слово исходит от поэта, видящего, как нелегко приходится реке в современных условиях оставаться самой собой — царственной Волгой, бережно хранящей свои предания в суетной нашей современности:

*Ломают Волгу ледоколы,
Спешат её растормошить:
Эй, отдохнуть тебе доколе,
Вставай, пора, старушка, жить!*

*А Волга широко вздохнула,
Качнув дотошные суда,
И с царственных рамен потрянула
Остатки суетного льда.*

*И так сказала ледоколам
И всем, кто был на берегу:
— Не вам спешить ко мне с укором,
Иль я опять у вас в долгу?!*

*И замолчала, в каждой жилке
Учуяв хмель апрельских сил...
Трещали на шоссе коптилки,
Железный жук вверху коптил.*

*Всё это в Волге отражалось,
Мгновение сквозило в ней.
И тут же сдвинулось, смешалось
С видениями прошлых дней.*

С именем Бориса Сиротина последние десять лет связан расцвет интереса к литературе (в первую очередь, поэзии) в городе Отрад-

ном Самарской области. Трое поэтов Отрадного — Старостина, Самойлова и Мухин — выросли в профессионалов, во многом благодаря творческой поддержке Бориса Зиновьевича. Вот уже несколько лет проводится областной литературный фестиваль «Отраденская осень» — это тоже заслуга Сиротина, сумевшего убедить власти Отрадного в социально-общественной значимости живого писательского слова. Самарская наша область не очень избалована масштабными литературными мероприятиями. А такой фестиваль для молодых писателей — как глоток свежего воздуха.

Ко всему сказанному остаётся добавить, что не только писатели города Отрадного, но и я своим вступлением в Союз писателей во многом обязан Борису Сиротину, активно поддержавшему Евгения Семичева, который выдвинул мою кандидатуру на принятие в члены Союза писателей России.

Было это на писательском семинаре-совещании в январе 1998 года в Сызрани. Вдвоём — Сиротин и Семичев — смогли убедить секретаря Правления СП России Валерия Степановича Рогова в том, что я буду полезен литературному процессу в качестве одной из его боевых единиц. А Сиротин всегда оставался такой боевой единицей, несмотря на то, что не махал в стихах шашкой, не спасал Россию с пеной у рта, не спешил и не суетился. Просто делал своё дело — писал настоящие стихи, обращаясь к душе читателя:

*Речь моя очень медленно льётся,
Я и сам не спешу никуда,
Предлагая испить из колодца,
Где глубокая блещет вода.*

*Загляните в колодец. Быть может,
Этот долгий и пристальный взгляд
И в себя вам всмотреться поможет,
Чтобы дальше не жить наугад.*

*Может быть, уловить вам придётся
Связь миров, её звук золотой
Меж глубоким мерцаньем колодца
И высокой вечерней звездой.*

Многая лета тебе, дорогой Борис Зиновьевич!

Пусть твоя высокая звезда и дальше украшает поэтический небосклон!

К небесному Ерусалиму

*Светлой памяти моего друга
Владимира*

Я уже писал, что Владимир Осипов — единственный российский писатель, издавший все свои книги по благословию правящего Архиерея, Архиепископа Самарского и Сызранского Сергия. Вот и его новую книгу «Монастырская дорога» не только благословил Владыка, но и написал к ней предисловие.

В чём отличие этой книги от предыдущих? В первую очередь, в том, что это сборник стихов и прозы. Новые стихи написаны, в принципе, в том же ключе, что и более ранние. Это не чисто церковная лирика, а стихи глубоко верующего человека, который ощущает, что постоянно «ходит перед лицом Божиим», находится ли он в храме или в вагоне поезда... Но только стихи эти стали несколько надрывнее и, может быть, трагичнее. Здесь бы я особенно выделил цикл «Путь» с посвящением «Памяти Николая Шипилова, псаломщика и поэта».

Что же касается рассказов, то они — такие разные — объединены общей религиозной тематикой. И религиозность здесь какая-то сугубо народная. Рассказы эти я бы разделил на несколько условных разделов. Первый — это как бы рассказы «издалека»: воспоминания раннего детства, легенды-были, поведанные дедом, бабушками и прожившими свой век родственниками. Они, на мой взгляд, наиболее сочные и художественные, что ли. Второй — цикл невыдуманных рассказов, где Владимир описал то, чему свидетелем и участником он был, в том числе, явных чудес Божьих. И вот в этой аскетичности и непридуманности как раз и таится сокрытая взрывная их сила. Просто оторопь берёт, когда читаешь рассказ «Володя Церковный». Не буду пересказывать сюжет. Только финал: Володю хоронили после того, как через две недели нашли в морге, а до этого он не меньше суток пролежал на улице, где и замёрз, покалеченный кем-то. И вот, когда священник читал над покойником отходную, из его закрытого глаза потекла слеза. Дальше — больше.

Когда Володе, по обычаю, решили положить записочку в руку, то не знали, как это сделать, ведь от побоев и мороза его кисти были

сжаты в кулаки. Но вдруг пальцы на правой руке мученика распрямились, отец Виталий положил туда записочку и пальцы опять сомкнулись. Такие дела...

Есть в книге рассказы, которые по своей насыщенности событиями и переплетением времён могут тягаться с приличными повестями — «Иван — разведчик», «Саня-Саня, который на небесах»... Впрочем, нет смысла много рассуждать о рассказах В. Осипова — все они были напечатаны во всероссийских изданиях: газетах «День литературы», «Благовест», журналах «Молодая гвардия», «Лампада», «Русское эхо».

А сейчас я хотел бы процитировать несколько строк архиепископа Сергия о творениях Владимира Осипова: «...простые по форме, но глубокие и правдивые, чуждые какому-либо украшательству и ложной двусмысленности. В них чувствуется степенная, размеренная жизнь, они исполнены размышлений о том, что всегда волновало и будет волновать русского человека: Родина, большая и малая, её судьба, собственный жизненный путь с ошибками и падениями, но всегда устремлённый к горнему»:

*Каким предстану перед Богом?
Я жил — как жил,
Я жил — терпел,
По гиблым исходил дорогам
Весь Богородицын удел,
Несла неведомая сила,
Не оставляя даже всех...
К Небесному Ерусалиму
Дорога повернула вверх.*

«Дай Бог, чтобы этот поворот произошёл в жизни каждого, читающего эту книгу, — пишет Владыка. — Мне как пастырю особенно радостно видеть в любом творческом человеке, особенно в писателе, такой редкостный дар, как христианское смирение. К сожалению, чаще наблюдается обратная картина: успех на литературном поприще — реальный или воображаемый — затмевает ум, надмевает сердце и не вразумляет пишущего, а вредит его душе».

А вот цитата из статьи уже самого автора «Монастырской дороги»:

«Я немало размышлял, почему художники так часто впадают в гордыню?»

Причины этого не только бытовые: слава, поклонницы, иногда большие деньги... Соблазн гордыни имеет и мистические корни.

Один из современных богословов в отличие от социальных изданий, переводит в Писании слово «хорошо» как «прекрасно» и пишет, что в греческом переводе Библии это слово имеет ярко выраженный эстетический смысл. Слово «Творец» русского перевода соответствует греческому «Поэтанос». То есть строку из «Символа веры» можно прочесть не как «Творец неба и земли», а как «Поэт неба и земли»...

Большие художники, ощущая этот соблазн, всё-таки могут достигать высот невиданных и обретать негаснущую посмертную славу (по-пушкински — «слух»). Оставаясь людьми многогрешными, они могут стяжать венцы, коих иногда не достаиваются люди высокого духовного сана. Возможно, это пока лишь венцы земные, но тем не менее... Кто сразу вспомнит имя псковского правящего Архиепископа, когда Пушкин жил в Михайловском? А кто управлял северокавказской епархией, когда там служил лейб-гвардии поручик Лермонтов? Но вот совсем близкое: назовите Вологодского Владыку времени жизни там Рубцова.

Я нисколько не пытаюсь умалить заслуги иерархов. И тем более не хочу поставить в один ряд с перечисленными поэтами Владимира Осипова. Но в то же время хочу напомнить, что он является лауреатом Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского (I место).

Владимир Осипов как духовный писатель состоялся во многом благодаря тому, что долго сотрудничал с Самарской епархией. Один очень известный и почитаемый в России человек на Первых Ильинских чтениях сказал, что одна из заслуг этой епархии в том, что там вырастили несколько православных авторов, имеющих всероссийское звучание.

А закончить эти заметки мне бы хотелось, нет, не рассказом и, конечно же, не зарисовкой, а скорее притчей из книги «Монастырская дорога».

НЕВИДИМЫЙ

Мне было лет восемь. Каникулы. Лето. Излучина чистейшего тогда Кинеля. Перекат с песчаными отмелями и берегами, за Нечистым мостом, у самого Егор-ерьке. Один из берегов — «наш». Здесь всё своё, все свои: купаются друзья, старший брат с приятелем удит чуть выше по реке, и недалеко, в редких зарослях тальника, называемых по-мордовски «шолотькой», дед пасёт стадо. Я перехожу вброд на другой берег и ложусь на песок среди пробивающихся лопухов мать-и-мачехи. Тихо. Печёт, но не силь-

но. Я подкапываю песок под собою и ложусь в эту яму. Заваливаюсь песком. Хорошо, прохладно. Вырываю куст мать-и-мачехи и кладу на голову. Наблюдаю за всем, что происходит на том берегу. Я вижу всех, а меня — никто. Я есть и меня будто бы нет. Через некоторое время меня хватились: где? Побежали к брату, брат — за дедом. Кричат. Волнуются. Ищут. Мне смешно. Но потом поднимаю лопухи с головы и подаю голос. Удивление и испуг. Я поднимаюсь из песка и смеюсь. Перехожу на наш берег. Друзья отворачиваются и уходят. Дед садится и трясущимися руками скручивает сигарку. А брат начинает меня избивать. ...Недавно я снова ощутил себя невидимым, как бы сокрытым чем-то очень зыбким, хотя сижу в приёмных, участвую в собраниях и застольях. Но уже давно — на другом берегу. Только вот никто не зовёт меня, не ищет. Никто. Но чувствую, что кто-то очень скоро вырвет меня из песка и всыплет похлеще старшего брата.

Ночной перекрёсток

Карины Сейдаметовой

Впервые с творчеством молодой поэтессы Карины Сейдаметовой познакомился по её первой небольшой книжечке стихов «Лазурь». Она вышла в 2004 году в Самарском отделении Литфонда России. Уже тогда стихи Карины удивляли странным соединением меланхолической печали и очевидной твёрдости характера автора. Порадовался я, что у нас в Самарской области наконец-то, после горевых для литературы реформ 90-х годов, начинают на обугленном поле русской поэзии прорастать новые поэтические побеги. Добавил «Лазурь» к своей библиотеке и, честно говоря, на долгое время забыл и о книге, и о её авторе. И вдруг в 2007 году получаю от Дианы Кан вторую книгу стихов Карины Сейдаметовой «Позимник» — название удивило. Конечно, отчасти догадывался, что это такое, но точный ответ получил по прочтении книги. Позимником, видимо, в старину именовали октябрь — в этот месяц родилась Карина. Да разве она одна? «Октябристы» по рождению многие наши талантливые поэты — Есенин, Цветаева... Обязывающее соседство!

За три года, прошедшие после издания книги «Лазурь», Карина заметно выросла как поэтесса. Стихи окрепли, круг тем расширился. В отличие от лирической «Лазури», «Позимник» уже местами тяготел к лироэпическому видению мира. Вот тогда и захотелось мне как-то поддержать молодую поэтессу-землячку. Дал Карине рекомендацию в Союз писателей России. А ещё решился попросить заместителя главного редактора «Роман-журнала-21 век» Марину Валерьевну Ганичеву напечатать подборку стихов Карины Сейдаметовой на страницах журнала. Честно говоря, немного слукавил, обратясь к Марине Валерьевне: прося о публикации, хотел косвенно узнать мнение Марины Валерьевны, очень опытного и чуткого на живое слово редактора, о стихах Карины. Грош цена тем похвалам, которые нас ни к чему не обязывают. А вот когда, похвалив, редактор берёт произведение для публикации — это и есть высшая похвала, так как слово подтверждено делом. Не скрою, что очень обрадовался, когда подборка Карины Сейдаметовой вышла на страницах

«Роман-журнала-21 век». Хотя нашлись среди поэтов-земляков те, кто пенял мне за то, что способствовал публикации молодой поэтессы в столь престижном издании. В таких случаях я всегда вспоминаю библейскую притчу о том, что в пустую смоковницу камней не кидают. Вскоре после того стихи Карины Сейдаметовой были напечатаны ещё и во всероссийском литературно-художественном журнале «Сура» в Пензе — и там, видимо, нашлись чуткие на талант издатели. В апреле 2009 года вышла большая подборка стихов Карины Сейдаметовой в «Литературной газете», после которой можно сказать, что творчество Карины вышло на новый этап развития. Поэтесса была принята в члены Союза писателей России и стала самым молодым писателем-профессионалом в Самарской области за всё время существования в области писательской организации!

Руководитель литературного объединения «Отчий Дом», которое помогло Карине стать на крыло, Диана Кан считает, что во многом обаяние творчества Карины Сейдаметовой обусловлено музыкальностью её стихов. С этим трудно не согласиться — стихи Карины звонко певучи. И если мастерство в поэзии — дело всё-таки наживное, то органичная музыкальность единична в поэзии. В детстве Карина Сейдаметова занималась вокалом и даже была победительницей всероссийского конкурса «Утренняя звезда». Сценический опыт сказывается — молодая поэтесса на сцене держится уверенно, стихи читает очень выразительно. Искренне порадовался я за стихи покойного поэта Николая Луканова, которые Карина представляла на самарском «Дне литературы-2008» в областной библиотеке. Порадовался тогда за поэтессу, которая проявляет такое равнодушие к творчеству талантливого поэта-земляка трагической судьбы. Трагизм многих стихов Карины во многом созвучен лермонтовскому трагизму, проистекающему от осознания несправедности и несправедливости окружающего мира:

*Ночь купальская льнёт полынню
И мерещится бузиной.
Приоконной грустит калиной,
Нараспев говорит со мной.*

*Горько-горестный ропот ивный
Полон чувства былой вины...
Морок бродит тропой крапивной
И ворует с каштанов сны.*

*Мне в купальской ночи зловещей
Всё труднее вперёд идти.*

*Только ведала сон я вещей
И уже не собьюсь с пути.*

*Вот он — папоротник в цветенье...
Я, подобно цветку в лесу,
Ненаглядное вдохновенье,
Не оглядываясь, несу.*

*А в ладонях щебечет лето,
Льётся с пальцев нездешний свет,
Озаряющий путь поэта,
На котором покоя нет.*

*В звёздном отблеске под ногами
В эту ночь каждый камень — синь!..
Разойдись по воде кругами
И, как в вечность, нырну в полынью.*

Вступление в члены Союза писателей России не стало концом и венцом творческой карьеры Карины, как часто бывает. Поэтесса поступила в Литературный институт, пишет стихи, в которых очевидно всё более глубокое погружение в стихию родной русской волжской речи:

*Предрассветная чуткая алость...
Волга павой плывёт в тишине.
То, о чём так надменно мечталось,
Навсегда отоснилось во сне.*

*Видно, душу подводным теченьем
Напитала мне Волга-река,
Чтоб молчаньем-речением-пеньем
Прославляла её на века.*

*Переливчатой волжскою песней
Я спую про нездешний уют...
И не может быть песни чудесней,
Что в родимой сторонке поют!*

Яркая, непоказная православная направленность творчества Карины Сейдаметовой не может не привлекать к её творчеству сердце русского человека. Православность стихов Карины заключается не в поминутном упоминании в стихах имени Бога всеу — как раз таких упоминаний у неё почти не встретишь. И всё же ясно ощущаешь незримое присутствие веры Карины в Того, велением которого зажигаются цветущие вишни пасхальными свечами и былинки в русской степи обретают державную статью:

*Ночной перекрёсток похож на распятыё.
Дороги не видно вблизи и вдали.
Здесь линии счастья, как в древнем заклатье,
Вновь с линией жизни сойтись не смогли.*

*Распутица схлынет. Распустится вишня,
Зажжётся от неба пасхальной свечой.
И сладостный ладан лампы всевышней
Окутает вновь перекрёсток ночной.*

*Российские вехи — кресты да овраги.
Но в каждой былинке — державная статья,
В ветрах — отголоски имперской отваги,
Эпичность в дожде, что античной под статья.*

*Так нам ли тужить окаянную грустью,
Веками смирать огнепальный свой пыл?
Здесь реки стремятся к желанному устью,
Какой бы разор на Руси ни царил.*

Православие для Карины — вовсе не некая пассивная вера в добренького боженьку, но единственно возможный путь спасения Родины в нынешнем мире. «Россия, Русь, храни себя, храни!» — воскликнул когда-то Николай Рубцов, осознав трагедию обезбоженной атеистической России. Карина — дитя своей эпохи — возрождения Православия, которое она считает едва ли не единственным путём спасения России.

*Весь в цвету, в подвенечном церковном уборе,
Юный дикий шиповник в заросшем саду,
Подскажи, как избыть неизбежное горе,
Помолись за меня, усмиряя беду.*

*Я, всегда презиравшая слабость и жалость,
Почитаю завет сокровенной Руси:
Чтобы зло на пути никогда не встречалось
Заклинаю: «Шиповник-соотич, спаси!».*

*До чего ты красив в царской мантии алой...
Говорили мне — если коснуться лица
Лепестками твоими, то вмиг небывало
Просветлеет душа и возрадуется.*

*Хоть январской зимой не до вешнего чуда.
Только праздник настанет и в доме моём,*

*Когда пламя шиповника алого всюду
Прорастёт через дверь и оконный проём.*

*Этим пламенем губы свои обжигая
В час смирения и покаяния час,
Без надежды ответ получить вопрошаю:
«Что ж, соотич, ты русский народ мой не спас?..».*

*Помоги же избыть наше русское горе.
Да за Русь помолись, умиряя беду.
Ни с судьбою, ни с чёртом, ни с Богом не споря,
Я к червлёной заре на закланье иду.*

Заметим, не к закату, а к рассвету-зарю идёт лирическая героиня Карины Сейдаметовой — идёт, мужественно готовая принести себя в жертву во имя того, во что верит. После таких строк как-то не хочется называть Карину поэтессой, потому что лучшее из написанного ею написано настоящим поэтом. Как женщины-поэтессы пишут в стихах о тех же цветах? Восхищаются красотой, собирают цветы в букеты... А вот лирическая героиня стихов Карины Сейдаметовой к стихам относится отнюдь не по-дамски. Её цветы настойчиво стремятся ввысь:

*Такой неземной покой
Царит среди бурь и гроз!..
Где высь говорит с горой —
Цветок эдельвейса рос.*

*Корнями вплетался он
В расщелины твёрдых скал —
Мечтой своей окрылён,
Тропу в небеса искал.*

Я бы назвал это маленькое стихотворение программным в творчестве Карины Сейдаметовой. Пусть и в дальнейшем крепкая корневая система связи с корневой Россией помогает нашим окрылённым мечтой молодым поэтам расти ввысь и только ввысь.

Осенью прошлого года Карина Сейдаметова стала лауреатом Всероссийского фестиваля «Соколики русской земли».

«Затаённая любовь»

Геннадия Иванова

Геннадий Иванов просто не мог не стать поэтом, потому что все мы родом из детства. Тверской городок Бежецк, где Геннадий Иванов родился 14 марта 1950 года. А потом в начальные классы с товарищами ходил в школу, располагавшуюся в бывшем барском доме семьи Гумилёвых. В том доме когда-то провела счастливые часы любви и вдохновения Анна Ахматова, бывшая женой Николая Гумилёва. В том доме когда-то звучала гумилёвская гитара и стихи. Там вырос сын Гумилёва и Ахматовой — будущий выдающийся учёный-историк Лев Николаевич Гумилёв.

*Старинный дом многооконный
В сирени весь, внутри темно.
Мансарда с небольшим балконом —
Всё просто, всё затаено.*

*Дом этот выстроили баре.
В нем, говорят, жил поэт —
Играл помногу на гитаре,
Любил коня и пистолет.*

*И в нём жена его жила —
Гулять любила у пруда
И тоже всё стихи читала...
Но это было-то когда!*

*Я этот дом как школу знаю —
Сюда пришёл я в первый класс,
Здесь в пионеры к Первомаю
Когда-то принимали нас.*

*Теперь читаю тех поэтов
И даже верится с трудом,
Что жили они в доме этом,
Куда и мы вошли потом.*

*Здесь, под тверскими небесами,
В поре блистательной своей
Поэты жили и писали,
И мне от этого светлей.*

*Дом этот — как стихотворение,
Уже знакомое давно,
В строках ни капли запустенья —
Всё для любви затаено.*

Что такое, собственно, поэзия? У каждого на сей счёт сыщется своё мнение. Но я определение лирической поэзии позаимствую из стихов Геннадия Иванова и назову её «затаённой любовью». Именно — затаённой, потому что любовь поэта-горлана-главаря, по глубокому моему убеждению, имеет оттенок вседоступности и лишается большей части своего очарования.

Стихи Геннадия Иванова, которые читаешь в его книге «Избранное», и есть эта затаённо-непоказная любовь к России. Такая любовь категорически чужда конъюнктурщине, она существует вне политических и идеологических норм. Она первична. Это сегодня в Бежецке стоит памятная скульптурная композиция выдающейся семье Гумилёвых. Но в пятидесятые годы прошлого века, когда маленький Гена Иванов учился в начальных классах в барском доме Гумилёвых, в России, по соображениям тогдашней идеологии, не были столь широко известны эти знаковые для России имена. Тогдашняя власть, столь благоволившая, казалось бы, к литературе, старалась не вспоминать гениального Николая Гумилёва, расстрелянного по ложному доносу в разгул революционной стихии. Да и Анну Ахматову не очень популяризировали. За ней незримо вился шлейф печально знаменитого «ждановского доклада», в котором подвергалась сильному сомнению «идеологическая значимость» ахматовских стихов. И то сказать: Анна Андреевна не призывала к всемирной революции, не потрясала партийным билетом. Она писала о России с затаённой глубоко в сердце любовью. У Геннадия Иванова вы тоже нигде не найдёте разрывания рубахи на груди и пафосной гражданственности... Мужская сдержанность в чувствах, неподдельный и порой даже застенчивый лиризм, которым проникнуто большинство написанных Ивановым стихов, словно бы вторит Шекспиру: «Я не хочу хвалить любовь мою, я никому её не продаю!..».

*В той комнате, где на заре столетья
Ахматова сидела у окна
И вдаль глядела на поля и церкви,
Потом сидели школьниками мы*

*И выводили: «Мама мыла раму».
Там, где стихи Ахматова писала...
В ту комнату в имении Слепнёво
Входил к ней муж влюблённый — Гумилёв.*

Будучи ребёнком, Геннадия Викторовичу посчастливилось вдохнуть уникальную атмосферу гумилёвского дома. И хотя поэтике Геннадия Иванова я бы не счёл родственной поэзии Серебряного века, но преклонение перед поэтическим словом роднит Иванова с поэтами Серебряного дворянского века. Они относились к слову как некой возвышенной величине и не считали нужным к штыку приравнять перо. Иванов же был и остаётся поэтом своего времени и своей эпохи. Школу закончил в Кандалакше. Жадная до новых впечатлений и романтики молодость звала поработать в районной газете, походить в плавании по Арктике.

*Душа познала, что это такое,
Когда, тоску восторгом утоляя,
Глядишь вперёд, на поле ледяное,
На белый мир с надстройки корабля!*

*Порой тут есть такое ощущение,
Что век далёк, что в вечной тишине
Ещё не начиналось исчисленье.
О, как душа возвысилась во мне!*

*Ещё часы не пущены как будто,
Ещё творенье мира предстоит.
Ещё душа не знает о минутах —
От бренности гнущейся не болит.*

*Ещё тут всё свежо и незнакомо.
Ещё не искупались мы в крови.
Ещё как будто можно по-другому
Устроить мир — по правде и любви.*

Какую, собственно, тоску утоляет восторгом душа автора вышеприведённых строк? Тоску по Большой Земле? По близким, оставленным на берегу? По уюту родного очага? А может, извечную славянскую тоску по северной арктической древней родине, откуда предки славян вынуждены были уйти, оттесняемые ледником? Но, уходя, унесли в своих сердцах желание вернуться. Не оттого ли поет душа русская при виде белоснежных арктических просторов? Вчитайтесь в ностальгические строки Иванова о том, когда ещё «не начиналось исчисленье», а наши предки были так юны и наивны, что

думали: мир можно устроить по совести, не искупавшись в крови братоубийства. Это ностальгия не просто по своей юности, но — по юности своего народа.

Я познакомился с Геннадием Ивановым в 2001 году, когда в марте приехал в Дом творчества Переделкино поработать над своей книгой прозы «Запрягу судьбу я в санки». В один из весенних тёплых дней заглянул по делам в Союз писателей России. Зашёл в кабинет к первому секретарю Правления Игорю Ивановичу Ляпину — Царство ему небесное! — прекрасный был поэт и человек! Ляпин и познакомил меня с Ивановым. Тот в честь знакомства подарил мне сразу две книги своих стихов. На книге «Берега» написал: «Дорогому Эдуарду Константиновичу на доброе продолжение знакомства». С тех пор много времени прошло, но, даже став первым секретарём Правления СПР, Геннадий Иванов не забронзовел. Остался прост и радушен в общении с коллегами. Как бы ни был занят, всегда угостит чаем, расспросит о житье-бытье писателей глубинки. Кратко, но ёмко расскажет о жизни Союза писателей. Я человек до книг жадный. Не успею с писателем познакомиться, сразу думаю, как бы его книгу заполучить. К чести Иванова, книги у него долго выпрашивать не приходилось. Дарил по первой же просьбе. Так пополнилась моя домашняя библиотека его «Крестами и ласточками» (стихи), «Знаменитыми и известными бежечанами» (проза)... Когда ни зайди к Иванову, он всегда бодр, подтянут, сосредоточен. Одно слово — служивый писатель. Глядя на насыщенный ритм работы секретарей в Правлении Союза писателей России, всегда диву даюсь — как можно успевать при такой-то загруженности, да при бешеном московском темпе жизни писать? Для творчества нужно уединение и сосредоточение, а писательский секретарь всегда в гуще событий — какая уж тут сосредоточенность! Геннадий Иванов — феномен того, как можно оставаться писателем, даже будучи, в силу должности, вовлечённым в нескончаемый водоворот современной литературы. Стоит глянуть на даты создания его стихов и видишь: изнуряющая литноменклатурная работа не помешала Геннадию Викторовичу оставаться поэтом и лириком. Стихи Иванова столь несуетны, что может показаться, что писались они на лоне природы, а не в московско-всероссийском кипящем литературном тигле. Нет, всё-таки, если человек по природе своей творец, ему никакая изнурительная номенклатурная должность не мешает остаться таковым. Геннадий Иванов — яркое тому доказательство!

А ведь далеко не сразу судьба привела Иванова в Литературный институт им. Горького. Сначала была служба в Кировограде, потом учёба в знаменитом Московском институте дружбы народов имени

Патриса Лумумбы. Поступить в этот институт провинциалу в любые времена было непросто, но Иванов и тут не сплеховал... В 1977 году закончил Геннадий Викторович Литературный институт им. Горького (семинар Евгения Долматовского). Работал в издательствах «Современник», «Художественная литература», «Вече». Первую книгу стихов «На высоком холме» выпустил в 1981 году. Василий Казанцев во внутренней рецензии отмечал: «Рукопись Геннадия Иванова заметно выделяется своей свежестью. Когда говорят о свежести, то обычно имеют в виду языковую свежесть и свежесть чувств. Я же имею в виду свежесть самого поэтического содержания...». С 1986 по 1991 год в Москве у Геннадия Викторовича вышли четыре книги — «Любовью живу», «Утро памяти», «Красный вечер», «Берега». А в 1999 году в Твери, на малой родине поэта, вышла его книга «Долгий день»... Читая Иванова, отмечаешь не только свежесть, но и светлость его творчества. Даже о трагических моментах нашей жизни пишет он светло, он не нагружает читателя безысходностью, потому что понимает — счастье и трагедия есть непрменные составляющие нашей жизни:

*...Когда ты вышла из волны,
Ты шумно, весело дышала.
Вода с волос и со спины
В песок белеющий бежала.*

*Волна катилась за волной,
Ты мило что-то лепетала,
Глядела так на шар Земной,
Как будто только что узнала.*

*Переливающийся свет,
Он позади уже остался:
Ты шла и на песке твой след
Так нежно в лунки осыпался!*

*А над тобой огонь блистал,
И ты была полна сиянья!
...И я тогда ещё не знал,
Что принесу тебе страданья.*

Женщины и реки нередки в стихах Геннадия Иванова. Лирический герой Иванова и женщину, и речку воспринимает как природную стихию, которую надо принимать с благодарностью и восхищением, как дар свыше. Свежесть восприятия обычных, казалось бы, вещей, которые поэт помогает читателю увидеть по-новому. Думаю, что эта свежесть идёт из искреннего восхищения поэта перед миром. А в благодарность за эту первозданность восприятия природ-

ные стихии щедро питают душу и стихи Геннадия Иванова вдохновением и гармонией. Чтобы и в речке, и в речи поэта отразились его родина, его судьба и Божья строка, данная ему свыше. Хочется процитировать стихотворение Геннадия Иванова, отмеченное поистине классической простотой — никакой многоречивости, всё естественно на уровне дыхания и пульсации крови.

*Эта речка простая, как рифма «река-облака».
Отражаются в речке коров чернобоких бока,
Отражается глиняный розово-красный обрыв,
Отражается некий, до времени скрытый, мотив.*

*Отражается в речке, наверное, Божья строка,
Что вмещает в себя и реку, и над ней облака.
Что вмещает в себя и деревню, и поле, и лес.
И великую тайну земных и небесных чудес.*

*Вот за этой строкой и пришёл я на берег реки,
Мне безрадостно в мире без этой зовущей строки.
Я хожу и надеюсь, плыву и надеюсь, и жду —
Я без этой строки в буреломе тоски пропаду.*

О какой «простой речке» написано это стихотворение, прекрасное растворением автора в родном — реке, облаках, поле... Каждый читатель вправе увидеть своё! Лично я вижу в «простой речке» Геннадия Иванова свою Мокрую Овсянку с отражёнными в ней чернобокими усталыми коровами, возвращающимися из стада ввечеру. Но, если призадуматься, то, может статься, эта «простая речка» из стихотворения Геннадия Иванова не так проста, как кажется? Уж не великая ли это Волга-матушка, зарождающаяся на территории Тверской области, откуда родом Геннадий Иванов?

*Вот и Волги берег молчаливый —
Никого сейчас на берегу:
Холод, ветер, катер торопливый,
Небо, словно в зимнюю пургу.*

*Против ветра в небе бьётся птица,
Медленно летит она. Куда?
Что сейчас в душе её творится?
Холод. Ветер. Зыбкая вода.*

*...Надо жить, хотя так трудно верить
В лучший смысл земного бытия.
Надо приходиться на этот берег,
Чтоб тоска развеялась твоя.*

*Ведь уже не раз такое было:
Так же сердце от неверья стыло,
А потом, откуда ни возмись,
Начиналась, продолжалась жизнь.*

Вот уже который раз за последние сто лет русские люди видят, как «силы враждебные» пытаются сломать вековые устои жизненного уклада русского народа. Особо остро это ощущают русские поэты. «В своей стране я словно иностранец...» — сетовал в первой половине XX века Сергей Есенин. Спустя сто лет Геннадий Иванов эту чужеродную для России иностранность отобразит в символе «попсы», которая, как ржавчина, проедает державное золото русского характера. Бессмертная пошлость попсы в стихах Иванова предстаёт не просто враждебной, но губительной для России сущностью. Эта попсовая пошлость даже вечные сакральные символы, такие, как флаг, низводит с бытийного уровня на бытовой-обывательский:

*Добро в круговой обороне,
А пошлость опять на коне.
И снова ты, как посторонний,
В своей необъятной стране.*

*И снова герой погибает
От злости текущего дня.
А пошлость доходы сгребает,
Толпу веселя и пьяня.*

*Такого ещё не бывало:
Бездарность и пошлость — рекой,
И сделали флаг покрывалом,
Скрывающим этот разбой.*

Что можем мы, русские люди, противопоставить этому разбою? Геннадий Иванов видит залог возрождения России в землячестве, в осознании русского братства нашим народом:

*Эх, тверские, брянские, рязанские,
Земляки родимые мои!
Наши избы — башенки пизанские
Посреди порушенной земли.*

*Полосу мы пережили скверную,
От безлюдья начали дичать.
Нам сейчас бы передышку верную
Эдак лет на восемьдесят пять.*

*Чтобы жены нарожали детушек,
Полуднее стало на селе.
Чтоб, как раньше, много было девушек
И парней — пускай навеселе.*

*Чтобы церкви красотой украсились
И по всей родимой стороне
Избы ставились да квасы квасились
И скакалось в поле на коне...*

Какая жажда жизни и жажда возвращения к исконной России в этих строчках! Этими строками поэт обращается не только к своим тверским, брянским и рязанским землякам. Но ко всей России, ведь все мы, русские люди, как ни крути, земляки: земля-то у нас одна — русская. Та, по которой ходим. В которую, как писала Ахматова, ложимся и становимся ею. Которую сегодня так мало лелеем и засеваем, попуская упадок села. Мне, сельчанину, очень близка поэзия Геннадия Иванова тем, что он не сторонним взглядом наблюдателя знает деревенскую прозу жизни. Тем, что даже обыденную прозу скотного двора Иванов умеет превратить в высокую поэзию, в которой суть и сердцевина русской жизни. Так и видишь млечный пар, поднимающийся от коров в стихах Геннадия Иванова. Наверное, этот пар впадает в Млечный небесный путь. Какая уж тут проза!

*Деревенская грубая проза —
Каждый день у коров, у навоза...
Каждый день, так вот годы и годы.
И ни равенства нет, ни свободы.*

*Поясница болит у доярки.
Ломота и в руках, и в плечах.
Ей на праздник давали подарки
И хвалили в районных речах.*

*Скотный двор индивеет в морозы,
И коровы — в морозном пару.
Застывали стеклярусом слёзы...
Что теперь вспоминать на миру.*

*И труды, и страданья, и слёзы,
И болезни одна за другой.
Деревенская грубая проза —
Ты была и осталась такой...*

*...Но тогда ещё радости были.
Были праздники, люди кругом!*

*А теперь уж и радости сплыли.
Не деревня, а мрак и погром...*

Недавно горько позабавился я, услышав, как знакомый самарский журналист-горожанин сказал: «Чего вам, деревенским-то жалиться? Утром встал, яйца собрал и спи-отдыхай...». Грустно стало оттого, что не понимают горожане, до какой безысходности доведена нынешняя русская деревня. И что для того, чтобы элементарно выжить и прокормиться, русские сельчане должны трудиться до самозабвения. А нас, сельчан, горожане часто представляют либо непросыхающими пьяницами, живущими в домах с порушенными заборами, либо праздными «пейзанами», которые только и способны, что собирать яйца в курятнике, а потом разгуливать день-деньской по зелёному лужку. Геннадий Иванов не только искренне любит-жалует русскую порушенную деревню. Жалельщиков деревни у нас сегодня много, только деревне от этого не легче! Иванов мужественно умеет видеть русское село таким, какое оно есть. Не через черные или розовые очки, а — полноцветно и жизненно. Иванов искренне любит исконным сельским укладом. Но при этом не закрывает глаза на приметы сельского упадка. Для лирического героя Геннадия Иванова русская деревня — это не «дачная» праздность, не предмет разоблачения, это та неизменная русская любовь, в которую радостно вкладывать физические и душевные силы, потому что вкладываешься в родное.

*Дождь накапал полное корыто —
Мыться будем дождевой водой!
Радость эта здесь не позабыта,
Не забыт и ковшик расписной.*

*Здесь живёт затейливый крестьянин.
Оттого и мило на душе,
Что с любовью тут живёт хозяин,
Как живут немногие уже.*

*Он колодец выстроил, как терем,
Дом украсил тонкою резьбой...
У него не покосились двери,
И доволен жизнью домовой.*

*А душа распахнута по-русски.
Он не станет проклинать житьё.
И хозяйка выставит закуски
Явно в удовольствие своё!*

Родники гармонии и счастья

«Лета к суровой прозе клонят...» — сказал поэт-классик. Но даже в своём тяготении к прозе поэт остаётся поэтом. Об этом я подумал, раскрыв книгу лирической прозы Ивана Тertyчного «Чёрная бабочка с белой оторочкой», которая вышла в 2009 году в московском издательстве «Голос-Пресс». Проза Тertyчного оказалась под стать его поэзии, с которой я хорошо знаком. Читается на одном дыхании, отличается прозрачностью и ненавязчивым лиризмом. И — никакого насилия над собой как читателем, поскольку в процессе чтения не сбивается дыхание читателя. Тertyчный — писатель, сила которого заключается в том, что герои его повествования дышат в унисон с читателем. А герои небольших рассказов Тertyчного, вошедших в его новую книгу, самые разные. Тут и сельский священник, и талантливый художник, мятущийся в поисках самого себя. Молодой москвич, который не только романтически влюбился в девушку из липецкой глубинки, но и стал жителем этой глубинки, не ощущая свой выбор любви и судьбы неким геройством. Герои Тertyчного — русские беженцы из национальных советских окраин... Разные, очень разные люди — по судьбе, по темпераменту, по взгляду на мир, по профессии, наконец. Что же роднит всех их, таких разных?.. Ответ на этот вопрос и есть главный ключ к пониманию творчества Тertyчного, будь то поэзия или проза его. А роднит этих разных людей то, что все они — люди совестливые, постоянно ищущие правды и находящие её только в гармонии с собой и миром. Герои одних произведений ищут славы, другие думают о деньгах, третьи сходят с ума от любви, четвёртые кладут себя за правду, причём каждый понимает эту правду по-своему... Герои Тertyчного ищут гармонию. И, что отраднo — эту гармонию обретают, пусть даже на пороге ухода из жизни. Однако таким людям обыкновенно свойственно постоянно сомневаться в себе. Иные умники такие самокопания называют «достоевщиной», но без этой «достоевщины» нет воистину русского человека. Ведь ни один подлец не будет сомневаться, честен ли он. А человек совестливый постоянно задаётся вопросом о собственной честности.

А потому ничуть не кажется странным, что талантливый художник Никита Зернов (рассказ «Чёрная бабочка с белой оторочкой») вдруг в один прекрасный день меняет привычный ему отлаженный

образ жизни и уходит из благоустроенного быта в мастерскую, чтобы этот налаженный для тела быт тела не мешал бытию души. Как сегодня бы сказали, начинает жизнь с нуля. Нынешние психологи сегодня называют такие внезапные решения «обнулить» свою жизнь кризисом среднего возраста. Но разве в возрасте дело?

«...Жизнь Никиты Зернова была, если не считать последних пяти лет, пожалуй, обыкновенная. Как жизни тысяч и тысяч его сверстников и даже большинства людей его художественного цеха. Школа, армия, институт, женитьба, вечная нехватка денег, рождение ребёнка... И, конечно же, — какая приправа к пресному житью! — кухонные ночные посиделки, где его сверстники, все признанные гении, спорили о политике, о существующем режиме, который душит железной рукой гражданские и творческие свободы... Но всё это — и шумные споры, и громкие манифесты, и новые гости — улетучивалось утром вместе с дымком похмеля. И только не оставляла его — дни, месяцы и годы — одна какая-то подспудная мысль-жалобка: не то всё, не то... А что не то, он и сам пока что не знал...».

Дело не в возрасте, дело в том, что встреча с настоящей любовью вдруг показала художнику Зернову всю красоту жизни, узнав которую, ему уже не страшно умирать. Частый герой рассказов Тертычного — задыхающийся в каменных и человеческих джунглях большого города человек, который инстинктивно ищет свежего воздуха и чистой влаги. Родниковую чистоту отношений лирический герой Тертычного часто обретает именно через любовь. Рассказ «Родники» о том, как москвич Володя Зубарев, полюбив девушку из липецкого села, липчанку, вместе с молодой женой обретает и истинную свою родину — глубинную Россию с её бедами, болями, прозрениями. Но и с её неповторимой гармонией единения с природой и собой.

«...Зубарев, не раз бывший в Подмоскowie, в пионерлагере, в доме отдыха с мамой — но видевший глубинную Россию только из вагонного окна, разомлел душой в старинном селе, ходил, говорил с людьми как бы слегка хмельной, но хмельной не от спиртного, от выпитой одной — другой рюмки, а — от виданного и слышанного им, от сочного посвиста иволги в причерных лозняках и многоголосого пересвистывания дроздов в ольшанике, зелёной стеной стоявшем за огородом Труновых. Как будто кто-то нарочно, к его приезду сюда, придумал такое живое кино: вон там, на излучине речки, стоит по колена в воде белая цапля, а вон там мерцают чуть седующие нивы, а правее малахитовые свекловичные поля... Чернозёмный край сразил Володю, как говорится, наповал.

Вот так и остался он здесь с Дашенькой, с Иваном Макаровичем, её отцом, и Марией Акимовной, её матерью, остался навсегда...»

И всё-то Володе Зубареву понравилось в селе — нелёгкая работа в ремонтных мастерских, немногословный тесть, с которым он вместе работал. А после работы вместе с тестем шли в чайную, общались с друзьями. Потом вместе с тестем шли домой — помогать женщинам: носили воду из колодца для полива грядок, кололи дрова, катали в коляске малую дочку-внучку. Даже тёща по сердцу пришлась Володе. Немного нашлось бы писателей, способных так опозитизированно увидеть самую обычную будничную жизнь, почувствовать её внутреннюю поэзию. Большинство писателей ужаснулись бы: работает мужик на «чёрной» работе, живёт с тестем и тёщей в глухомани. Впрочем, и многие сельчане жалеют Володю — вот, мол, «из самой Москвы» уехал, а мог бы жить вместе с женой-липчанкой на престижном Мичуринском проспекте. Но и жену Бог послал Володе под стать: несуетную и нежадную до неоновых столичных впечатлений. В селе и Володя, и его жена Даша — на виду, нужные и уважаемые люди. И всегда, в любую минуту — при деле. Даже когда просто, в редкую минуту отдыха, лежат на лугу и смотрят в небо. А что в Москве бы Володя делал после работы? Пялился бы в телевизор да водку от тоски-скуки-безделья пил. Рассказы Тертычного кажутся на первый взгляд очень простыми: минимум сюжета, полное отсутствие версификаторства. Но этот сюжетный минимум с лихвой окупается психологическим максимумом. И ещё неброским, но отчётливым отсветом высокой простоты, что даже обычную-обыденную жизнь наполняет высоким смыслом.

«Смирный, смирный... Так и прилепилось к нему прозвище — Смирный. Володька Смирный. Раньше, бывало, по-другому его кликали: Володька Москвич. А теперь вот... Но смирный — вовсе не значит, что он невесёлый, тихонький. Случается им на свадьбе какой гулять с Дашей или на родинах... Распойётся народ, распляшется... Тут уж Смирный выходит в круг. Прихлопнет, притопнет и пошёл! Руки птицами летают, ноги так и сяк выделяют коленица!..»

У нас в Сибири, помнится, когда я был молодой, некоторые сибиряки старой дореволюционной «закваски» говорили, что, мол, смирный — этот тот, который имеет смиру, церковный ладан, а вместе с ним и благодать Божью. Как показывает жизнь, такие вот благодатные смиренные люди часто оказываются куда глубже и, главное, счастливее тех, кто склонен кичиться «удалью молодецкой». Смирные гармоничные люди, как тихие родники, которые, в отличие от шумных водопадов, не низвергаются вниз, а спокойно и пос-

тоянно стремятся вверх, к солнцу, храня память о прошлом и окормляя наше будущее. Вот и в рассказе «Родники» лежит Володька Смирный с малым сыном на лугу, а читатель вдруг понимает, что это и есть простое наше русское счастье:

«...отведав простой домашней еды, взявшись за руки, лежат на траве «благородные люди», большой и маленький, глядят в небо нескончаемое, и мнится Володьке, будто легко-легко воспаряют они над землёй, над холмами, над речкой, над их родниками, и так светло вокруг...».

Семь граммов счастья поэтессы Лидии Иргит

Есть в нашей стране такие удалённые уголки, о которых мы мало что знаем. Один из таких — небольшая Республика Тыва, находящаяся на стыке Сибири и Дальнего Востока. А потому невозможно не быть благодарным талантливой тувинской поэтессе Лидии Иргит, которая своими стихами открывает нам, читателям России, уникальную красоту своей малой тувинской родины, без которой красота большой многонациональной российской Родины была бы неполной. Нельзя сказать, что стихи Лидии Иргит мельтешат в российских изданиях. Но каждое стихотворение этой поэтессы западает в душу. Так было со мной, когда я впервые познакомился во второй половине 90-х годов на страницах газеты «Литературная Россия» со стихами Лидии. Поэтесса тогда закончила Высшие Литературные курсы при московском Литературном институте им. Горького, где ей посчастливилось учиться в семинаре великого русского поэта Юрия Кузнецова. Во время учёбы на ВЛК Лидии Иргит посчастливилось ещё и стать участницей Всероссийского семинара в г. Владимире, где она была принята в члены Союза писателей России. Посчастливилось выпустить в столичном издательстве «Московский двор» книгу своих замечательных стихов «Рыдающий родник», составленную из переводов нескольких поэтов. Москва придала поэзии талантливой тувинки всероссийское звучание, хотя даже по стихам чувствуется, как нелегко пришлось поэтессе в далёкой российской столице, вдали от родной Тывы:

*Когда в Москву я уезжала
И вся светилась, как во сне,
Моя собака не визжала
От счастья, выпавшего мне.
С протяжной жалостью собачьей
Она глядела на меня.
А я хмелела от удачи,
Судьбы поводьями звеня.*

Свистела за окном синица,
Сияла мне рябины гроздь.
Застряла русская столица
В собачьем горле, словно кость.
Москва мне голову вскружила —
Какие планы и мечты!
И я тебя забыла, Джина,
Среди столичной суеты.
Здесь пахнет жухлою листвою,
Но не поют здесь петухи.
Я от тоски собачьей вою,
Когда пишу свои стихи.
Прости беспутную бродягу,
Как можешь ты прощать, любя,
Когда московскую дворнягу
Я в лоб целую за тебя.*

Однако нелёгкое московское студенческое житьё-бытьё стоило того, чтобы послушать лекции Юрия Кузнецова, пообщаться с писателями России. И, наконец, чтобы познакомиться с замечательными переводчиками, благодаря которым творчество Лидии Иргит вышло на российские просторы. Переводчики Иргит — поэты Евгений Семичев, Владимир Гордеев, Диана Кан — оказались не только чуткими к своеобразной национальной поэтике Иргит, к тому неповторимому тувинскому «мелосу», который Лидия так тонко умеет воплощать в стихах. Благодаря чуткости поэтов-переводчиков русская поэзия приросла ещё одним самобытным национальным поэтическим голосом — голосом Лидии Иргит. Стихи Иргит — это глоток свежего горного тувинского воздуха, это вкус молока, налитого рукой тувинки в расписную пиалу. Это, наконец, заволаживающие звуки тувинского горлового пения — хоомея.

*Я навсегда останусь молодой.
Как голубы небесные стропила!
Искрящейся живой своей водой
Монгун-Тайга мне сердце окропила.
Она течёт сквозь небо, как река.
В её бурлящем ледяном потоке
Плывут деревья, птицы, облака...
Я из неё вычерпываю строки...***

* Перевод Е. Семичева.

** Перевод Е. Семичева.

Поэзия Лидии Иргит волшебным образом сближает разных поэтов с разными творческими почерками. Ведь ни у кого из переводчиков Иргит, судя по всему, не возникает ревностно-собственнического отношения к творчеству талантливой тувинки. Поэзия Лидии Иргит, словно мост, перекинутый между разными поэтическими мирами — мост, благодаря которому далёкая Тыва становится ближе Первопрестольной столице нашей страны. И вот без какой бы то ни было творческой ревности известный российский поэт и переводчик Евгений Семичев вдохновенно переводит восторженно-благодарные стихи Лидии Иргит, посвящённые другому её поэту-переводчику Владимиру Гордееву:

*...Поклон Гордееву Володе!
Художник русский из Москвы,
Ты о моём сказал народе,
Как о таинственной породе
Моей космической Тувы.**

Родившаяся и выросшая в самом отдалённом районе Тувы, Лидия Иргит пришла в литературу со своими незаёмными темами — темой единокровного родства человека и природы, темой глубины родственной привязанности, благодатности многодетного материнства. Все эти качества поэзии Иргит родом из её детства. Лидия выросла в семье, центром которой была её мать Чечек Мунзуковна Салчак — многодетная мать-героиня, которой посвящена книга «Рыдающий родник»:

*В лучах искрящейся весны
Любой сугроб растает.
Снег материнской седины
И по весне блистает.
Ах, мама, всё своё добро
Ты людям раздарила,
И материнства серебро
Тебя посеребрило.
Когда блуждаю по земле,
Свет твоего окошка
Мне в ноги стелется во мгле,
Как лунная дорожка.
Ты с каждым годом всё родней.
Я — кровь твоя и дочка.*

* Перевод Е. Семичева

*Ты в полотне судьбы моей
Серебряная строчка.
Из слёз серебряных твоих
Твоя медаль отлита.
И мой слезой омытый стих —
Твоей любви орбита.**

Закономерно следом процитировать и замечательное стихотворение Лидии, посвящённое её рано умершему отцу:

*Отец мой ушёл так рано,
Но нас он не забывает.
И образ его, как рана,
На сердце моём пылает.
Он думал о нашем хлебе
И умер совсем не старьей.
Теперь, как орёл, на небе
Пасёт облаков отары.
А мама моя в печали
Вздыхает о нём ночами.
Как пусто в родном аале
И стыннут пиалы с чаем.
Отец, твоя дочь не плачет,
Отец, я сквозь годы вижу,
Как к дому родному скачет
Во мгле жеребец твой рыжий.***

Чтобы выжить и прокормить семью в суровых высокогорных условиях, тувинцам приходится много трудиться. А потому стихи Лидии Иргит, посвящённые сёстрам, фактически являются гимнами неустанному труду женщин-тувинок — труду, на котором зиждется не только семейное благополучие, но и благополучие окружающего мира. В стихотворении, посвящённом сестре Лине, мы видим не просто кротко-смирненное отношение женщин-тувинок к труду как неизбежной повинности. Мы видим отношение творческое:

*С иглою-подругой и другом-напёрстком
За день ни на миг не расстанешься ты.
И, всех наряжая, одета неброско —
Тебе не до этого средь суеты.*

* Перевод Е. Семичева.

** Перевод Е. Семичева.

*Портничой от Бога тебя называют —
Настолько искусно наряды ты шьёшь.
И душу твою, отродясь, не пятнает,
И уст никогда не касается ложь.
Волшебница Лина, характер твой кроток,
Плохого не скажешь вовек ни о ком...
Дурнушек — и тех! — превращаешь в красоток
Своим аккуратным чудесным стежком.**

Выросшая в высокогорной Монгун-Тайге, Лидия Иргит пишет о своей малой родине так, что понимаешь — это её кровное, родственное, дающее силы жить, любить, творить, бороться. Что пока высокогорная Монгун-Тайга живёт в душе поэтессы, она останется «женщиной-скалой» (так Лидия называет себя в одном из стихотворений), неподвластной житейским невздам. Эту подпитку родной земли прекрасно почувствовал переводчик Лидии Иргит, москвич Владимир Гордеев:

*Ночь уходит, смежив свои звёздные веки.
И зоря алый пурпур вокруг разольёт.
Серебром засверкают проворные реки.
Солнца злато-лучи разобьются об лёд!
И на склонах проснутся тенистые рощи,
И в зелёных ветвях зазвучат голоса!
И во всей красоте и во всей своей мощи
Пики горных вершин подопрут небеса.
Небо жгло их огнём и глушило громами.
Исушали их зной и жестокий мороз.
Только горы опять одевались лесами,
Не приняв эти буйства природы всерьёз...
Видно, волю к борьбе я у гор одолжила
И окрепла душою в свободном краю.
Там в мечтаньях своих я орлицей кружила.
И о той красоте в своих песнях пою.
Но, когда я в тоске иль убитая горем,
Голос дальний мне слышится: «Дочка, держись!».
Я люблю эти скалы и снежные горы,
Как любить можно неповторимую жизнь.***

Ох! И широка же душа Лидии Иргит!.. Настолько широка, что чувство родства поэтесса распространяет не только на свою семью,

* Перевод Д. Кан.

** Перевод В. Гордеева.

но и на всю природу, на лоне которой выросла. И отношение к этой природе у поэтессы дочернее, родственное. Для Лидии Иргит Монгун-Тайга — это мать, не менее любимая, чем родившая её женщина. А Улуг-Хем — отец.

*Мой несравненный Улуг-Хем,
Мне нелегко с тобой расстаться!..
Сбегаю от своих проблем,
Чтобы тобой налюбоваться.
Полжизни я могу шагать,
Чтобы узреть тебя воочью...
А ты куражишься опять,
Кичишься удалью и мощью.
Таранишь буйно берега,
Деревья с корнем вырываешь.
Потом, ударившись в бега,
Опять на берег их швыряешь.
Тебя не стану осуждать...
Ты слишком гордый и не знаешь,
Как убедительней сказать,
Сколь сильно ты по мне скучаешь!**

Как видим, далеко не всегда у «родственников» Лидии Иргит простые характеры. Но под этими с виду непростыми характерами, под этой невольной восточной горячностью и строгостью на деле скрывается истинная любовь, не нуждающаяся в словесных подтверждениях:

*Монгун-Тайга — надменная красавица,
Что неприступно на земле стоит.
Туманом, словно шалью, одевается
И ледяным дыханием знобит.
«Когда, Монгун-Тайга, свой гнев арктический
На солнечную милость сменешь ты?..»
Увы, ответом на вопрос лирический —
Лишь скалы саблезубой высоты.
Неговорлива, несловоохотлива,
Ты эхом откликаешься на зов.
К моим губам подносишь ты заботливо
Струю своих священных родников.
Однако, вся такая неприступная,
Монгун-Тайга, как ласковая мать,*

* Перевод Д. Кан.

*Привыкшая под горными уступами
Для нас в ущельях солнце вытекать.**

Крепкий семейный уклад виден в стихах Лидии Иргит... И эти стихи — не просто слова. Лидия и живёт так же, как пишет — с любовью к миру и чувством ответственности за ближних. Это не позволило Лидии сдать в детские дома нескольких осиротевших детей, своих племянников. Не позволило, несмотря на то, что Лидия Иргит недавно сама стала вдовой, на попечении которой две дочки! Тот, кому «посчастливилось» вкусить сиротской-приютской бесприютной доли, встанет перед этой тувинской «женщиной-скалой» на колени. Какая же она скала, с таким-то сострадательным сердцем?! Высока ныне смертность в России: теряя одного за другим родственников, Лидия Иргит становится многодетной мамой. Казалось бы, какие уж тут стихи, когда столько хлопот! Но эта уникальная талантливая тувинка и из хлопот своих бытовых, далёких, казалось бы, от лирики, способна сделать высокохудожественные поэтические творения:

*О вкусах не спорят? О вкусах не спорят!
Я, помнится, как-то картошку пекла.
Задумалась о поэтической доле —
Стихи сочинила, картошку сожгла.
Стихи, несомненно, достойны овец...
Да всё ж от стихов невеликий навар.
Уньло вдохнули мои домочадцы
Лирическо-кухонный этот угар.
Стихами, что с жару,
Стихами, что с пылу,
Стихами, что дышат, как хлеб, горячо,
Я щедро домашних своих угостила...
И что же они? Попросили ещё!***

Или:

*Я вся в делах... Румяные лепёшки
Пеку, чтоб накормить свою семью...
Ну, а душа, как птица за окошком,
Поёт, пока на стол я подаю.
Душа слагает звонкие куплеты —
Успеть бы только мне их записать!..
Я и на кухне остаюсь поэтом,
Но как забыть, что я — жена и мать?*

* Перевод Д. Кан.

** Перевод Д. Кан.

*Жар от плиты мне обжигает щёки...
А в это время Божий дар живой
Печёт в душе лирические строки,
Покуда руки заняты стряпнёй.**

Читая эти строки, невольно вспоминаешь ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». Но как-то не поворачивается язык назвать «сором» те женские заботы-хлопоты, без которых семья — не семья. Доверительность — вот, наверное, одно из главных качеств поэзии Лидии Иргит. Эта доверительность пронизана ощущением того братства народов, которое помнит любовью, живший во времена СССР. Лидия до сих пор хранит в своей душе это великое братское чувство:

*Хоть изменилось всё вокруг,
Алтайцы и тувинцы — братья,
И на века крепки объятья
Их дружеских могучих рук.
Алтайка, бабушка моя,
Нам пела древних лет сказанье.
Мы, внуки, затаив дыханье,
Внимали ей, душой горя!..
Забьлось многое с тех пор.
Порой не вспомнишь, как всё было.
Но память прочно сохранила
Названья рек, названья гор.
Из детских лет, как из глубин,
Спешат, сквозь Время прорастая,
И красота Хаан-Алтая,
И пенie реки Кадын.***

Чувство родства и жизненной сопричастности в стихах Лидии Иргит распространяются на многие народы:

*Восхищаться вечно не устану
Гордою хакасскою землёй.
Ледяные снежные Саяны
Подружились навсегда со мной.
Предложили мне испить айрана...
Окликало эхо: «Тун Пайрам!..».
Ах, Саяны, гордые Саяны,
Я отныне не чужая вам!*

* Перевод Д. Кан.

** Перевод В. Гордеева.

*...Тун Пайрам! Я славить не устану,
Воплощая в благодарный стих,
Голубые гордые Саяны
Или чашу, полную айрана —
Ту, что мы испили на двоих.**

Редкие мгновения счастья, выпавшие на долю поэтессы Лидии Иргит, она сумела воплотить в золото стихов. Вопрос о том, счастлива ли Лидия Иргит, у меня лично не возникает. Разве может быть несчастна женщина, пишущая такие пронзительные — полные современной конкретики и в то же время философски отстранённые от действительности — стихи:

*Перстень на руке искрится,
А глаза грустны совсем...
Продавица, продавица,
Взвесь мне счастья граммов семь!
То-то очередь большая!
Видно, счастье нужно всем.
Продавица дорогая,
Как у вас тут насчёт цен?
Я смотрю — в ассортименте
Жадность, зависть и разврат.
Спрос на все «товары» эти,
Как и выбор их, богат!
Продавица принародно
Объяснит с печалью мне:
«Нынче спрос на что угодно,
Только счастье не в цене...»***

Вот уж тут я категорически не соглашусь с поэтессой Лидией Иргит — моя любовь к её стихам даёт мне право не во всём с ней соглашаться. Разве это не счастье, что в далёкой тувинской глубинке живёт, не сдаваясь лихим напастям, живёт, не поддаваясь житейским невзгодам и дарит читателям России свои неповторимые стихи «женщина-скала» Лидия Иргит. Заветные «Семь граммов счастья» — это её тоненькие на вид книжечки, которые по своему художественному содержанию «томов премногих тяжелей». А потому «семь граммов счастья» — это вовсе немало!

* Перевод Д. Кан.

** Перевод Д. Кан.

«И стали явью русские слова...»

Встреча с земляком всегда приятна. А уж с «дважды земляком», каким для меня является поэт и прозаик Анатолий Улунов, — и подавно. Как-никак наше изначальное сибирское землячество подкреплено ныне землячеством самарско-волжским. А чем, если задуматься, даёт себя знать это самое землячество, как не созвучием душ, наиболее точно выявляемым в том, что мы пишем? Анатолий Дмитриевич Улунов существует (причём гармонично!) во многих ипостасях. Он — врач с огромным, в том числе боевым опытом спасения людей. Военный человек. Член Союза писателей России и лирический поэт — певец красоты родной природы, очарования русских женщин, гармонии человеческих отношений. Однако и в его лирические стихи нет-нет да и просачивается военная тема, ненавязчиво напоминая, как хрупок и уязвим наш мир, и как нуждается он в защите:

*Поздняя осень, берёзы во сне.
Жёлтые листья грустят на земле.
О прошлом цветенье и солнечном дне,
О том, что ребята опять на войне.
Журавль у колодца и клён над рекой
Поют свои песни со старой ольхой.
И ждут с нетерпеньем, когда в дом родной
Желанный конвертик придёт полевой.
В долине сырая сгущается мгла.
Чечня, как и прежде, коварна и зла.
Что здесь канонада — не ваша вина,
За правое дело сегодня война.
Наступит победа и ранней весной
Девчата вас белою встретят фатой.
Друзья соберутся, пир будет горой...
Вы только живыми вернитесь домой!*

А ещё Анатолий Улунов — автор книги «33 офицерских рассказа». То ли суровую военную действительность он предпочёл осмысливать всё-таки в прозе. То ли «лета к суровой прозе» склонили его поэтическую натуру... О прозе Улунова взыскательно и в то же время

доброжелательно написал наш коллега-прозаик Валерий Острый, так что особо повторяться нет нужды. Но всё же, но всё же, но всё же... Все мы родом из детства. И наша крепость во многом зависит от нашей памяти: чем дольше сохраним мы её, родовую память, тем более неподвластен житейским ветрам наш дух. У Анатолия Улунова крепкая родовая память — она-то и помогла ему нравственно выдюжить в горниле горячих точек. Образ бабушки в рассказе «Память» ностальгически эпичен. Немолодая женщина, но, позабыв про годы и увечья, не впервой ей входить в горящую избу, чтобы спасти внуков-шалунов, чуть не спаливших, по недомыслию, дом. В ответ на советы матери шалунов, своей снохи, строже наказывать мальчишек, бабушка лишь крестится: «Да что ты, Господь с тобой, ведь если их бить за каждую проделку, я же их тогда убью, они же шагу не ступят, чтобы не напакостить...». Мудрая бабушка понимает, что на самом деле мальчишечьи проказы и пакости есть не что иное, как постижение мальцами жизни: «Словно в подтверждение её (бабушки) слов в это время мой брат, лихо оседлав свинью, верхом пронёсся под окнами нашего дома...». Похоже, что это сибирское, алтайское детство стало для будущего военврача Анатолия Улунова тем «золотым запасом души», который он не разменял на медяки суетности, но приумножил на берегах Волги:

*Утренним рассветом поломало лёд
И хрустальный айсберг к берегу несёт.
Затянуло Волгу серебристой мглой,
Напоило волю талою водой.
Вдалеке разливом скрытан поворот,
Зацветёт подснежник и весна придёт!*

В своих стихах Анатолий Дмитриевич не занимается версификаторством, а, не мудрствуя лукаво, продолжает русскую песенную традицию. Оттого его стихи вызывают светлое ощущение сопричастности русской природе и людям:

*Я часто вижу радужные сны,
Что всё прошло и больше нет войны.
Мне здесь покоя не дают слова:
Берёзы, белый снег, тетерева.
В них вижу свою маму у крыльца,
А рядом с ней сестрёнку и отца.
Ты, мама, как всегда, была права,
Раскинули дороги рукава.*

*И приворотной спелю травой
Меня уносит мыслями домой.
Туда, где наша русская земля,
Берёзы, белый снег и тополя.
Я верю, что наступят эти дни,
Когда в кругу друзей, среди родни
Моя отплатит песнями душа,
Стихами лишь бывшее вороша.
Я часто вижу радужные сны,
Что все прошло и нет уже войны.
И стали явью русские слова —
Берёзы, белый снег, тетерева...*

Я не буду изымать из рассказов Улунова военную фактуру и пересказывать её. Неблагодарное это занятие, потому что о своей военно-врачебной службе в Афганистане, Чечне, Дагестане и Абхазии лучше самого Улунова всё равно не скажешь, хоть расстарайся. Даром что говорит об этом Анатолий Дмитриевич со скупостью человека, который не хочет бередить затянувшиеся рубцы «Раненого сердца» (так называется одна из улуновских книг). Улунов — заслуженный врач России, полковник медицинской службы запаса, кавалер пяти боевых орденов...

Однако, рассказывая о разносторонней улуновской натуре (он не только заслуженный врач России, полковник медицинской службы запаса, кавалер пяти боевых орденов и т.д.), не могу умолчать о двух гранях богатой природы этого на редкость цельного человека. Потому что говоря об Улунове — инструкторе парашютно-десантной подготовки и Улунове — гармонисте и коллекционере баянов, я, по сути, буду говорить о том, почему, на мой пристрастный писательский взгляд, Анатолий Дмитриевич всё-таки не мог не прийти в русскую литературу.

В три года маленький Анатолий сломал бедро и долго пролежал в больнице. Очевидно, ему так хотелось поскорее выздороветь, что, преодолевая боль, он именно в этом своём возрасте «молочно-восковой спелости» понял, что станет врачом. Как говорится, врач, исцели себя сам! Телесная слабость и болезненность не помешали сильному духом мальчишке заниматься спортом — преодолевая себя, вырос до кандидата в мастера спорта по лёгкой атлетике. Одно плохо — очень боялся высоты. И снова пошёл по пути наибольшего сопротивления, пути духа, преодолевающего тело. Добился зачисления в десантные войска и семь лет прослужил в спецназе по врачебной специальности. Читатель прочитает и скажет: «Ну, же-

лезный мужик!». И останется в этом заблуждении насчёт «железности» Улунова до тех пор, пока не прочтает его стихи — по-детски открытые красоте и гармонии мира.

Стихи Улунова изначально песенны... А какая песня без баяна? У Анатолия Дмитриевича их, баянов, аж «семеро по лавкам». Первый баян, ставший основой коллекции, Анатолию Дмитриевичу купили в детстве родители, чтобы учился музыке. Ещё два баяна подарили во время службы в Германии однополчане. Один баян — «родом» из Афганистана и три баяна «родом» из Чечни, подарки боевых товарищей. Собственно, по улуновским баянам можно изучать географию горячих точек России.

Каждый день, по признанию самого Анатолия Дмитриевича, он непременно должен хоть на несколько минут взять в руки баян. Это некий аутотренинг для него, ведь в нынешней смутной нашей круговерти каждый расслабляется, как может. Улунов — играет на баяне. Меломаном в современном смысле этого слова его не назовёшь — нынешнюю музыку и песни Анатолий Дмитриевич не жалуется. Наивный Улунов уверен, что настоящая песня не может быть случайным набором слов и нот. Зато душой прикипел к русским народным песням — из них, собственно, во многом и вырастает его поэтическое творчество.

Если врач Улунов родился в трёхлетнем возрасте на Алтае, когда мучился от болей в переломанном бедре, то поэт Улунов родился уже в зрелом возрасте в Афганистане, во время службы там. Говорят, постоянное нахождение в непосредственной близости от смерти обостряет жажду жизни. А стихи — это и есть удесятерённая жажда жизни, как утверждал поэт Александр Блок. Как-то в разговоре со мной Анатолий Дмитриевич посетовал: «Вот, пишут, что я боевые ордена и медали получил в мирное время. Но ведь это не так. Они получены в боевой обстановке. Здесь-то был мир, но там-то шла война...» Что я могу к этому добавить? Что история России была историей вечных войн, причём по большей части — оборонительных? Что здесь у нас даже люди самых мирных профессий веками жили в постоянной готовности сменить фартук пекаря, плуг пахаря, указку учителя, скальпель хирурга на лук, на меч, на автомат... А стало быть, такие понятия, как «мирное время» и «мирная профессия» в России — очень относительное понятия.

*Офицерского корпуса гордость —
Золотом шитый погон,
Боевой отголосок сражений
Да медалей малиновый звон.*

*На парадном мундире отличья
За нелёгкий тот воинский труд.
Лишь по праздникам их надевают
Да когда на погост понесут.
С изваяньем державы и власти
Герб на форме вновь силу обрёл.
И от старой России остались
Офицер и двуглавый орёл!*

Первая книга Анатолия Улунова называлась «Мысли вслух» и вышла практически самиздатом. И только потом уже появились настоящие — залитованные! — книги. К одной из них, книге избранных стихов «Струны сердца», написал предисловие Герой Российской Федерации, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, генерал-полковник Г. Трошев. В своём по-военному лаконичном предисловии генерал, приглашая читателей в мир поэзии Анатолия Улунова, пишет: «В наше непростое время, когда общество страдает утратой многих социальных и нравственных ориентиров, нечасто встречается столь чуткое и проникновенное слово, выражающее своё отношение к женщине, природе, чувства к нашей многострадальной Родине...». А от себя добавлю, что даже лирически проникновенное слово поэзии и прозы Анатолия Улунова, подобно защитнику Родины, стоит на страже России.

«Все дороги неба и земли...»

Моё заочное знакомство с молодым поэтом из Сибири Василием Поповым началось со знакомства со стихотворением моего земляка, волжского поэта Евгения Семичева:

*Дожди идут косые.
Осенним хмурым днём
Я и Попов Василий
В Госдуме водку пьём.
Василий — очень юный
Лирический поэт.
А я — литературный
Крутой авторитет.
Я промываю глотку,
А у него — дебют.
Как поросят, под водку
К столу нас подают.
Литературный ужин.
Лирический банкет.
И никому не нужен
Здесь никакой поэт.
Василий лирой доброй
Ласкает всех подряд.
А я читаю «Кобру»,
Я изливаю яд.
Твои стихи, Василий,
Прожгли меня до слёз.
Ты — соловей России,
А я — дворовый пёс.
Меня судьбина злая
Приставила к перу.
Я, как собака, лаю
На праздничном пиру.
...Обидно за Россию.
Нет у меня другой.
Поэт Попов Василий,
Будь счастлив, дорогой!..*

Конечно, прочитав эти строки, я только крикнул от удивления — так про Госдуму ещё никто не писал! А попутно заинтересовался, что это за поэт Попов Василий, который удостоился от Семичева поэтического посвящения. Сколько десятков лет знаю Евгения Николаевича, ан по сю пору не сподобился стать героем его стихотворения. Не скрою, был элемент ревности, когда в телефонном разговоре с Семичевым я поинтересовался, насколько реален персонаж молодого поэта из стихотворения про Госдуму. Семичев ответил, что Василий Попов — вполне реальное лицо, что он — сибиряк и учится в Московском Литературном институте им. Горького, а родом из Ангарска. «Отличные строчки парень написал: «Если растут на земле цветы, значит, и падать легко в бою», — резюмировал Семичев.

Потом стихи Василия Попова встречались мне в «Роман-журнале-21 век», «Литературной России», «Литературной газете». И от дошли до Самары, будучи опубликованы в самарском литературном журнале «Русское эхо» (№ 2, 2009 г.). Прочитав подборку Василия Попова в этом журнале, я так и не нашёл в ней стихотворения про цветы, за которые и в бою умереть не жаль. Но, тем не менее, не только не разочаровался в стихах Попова, но ещё более проникся уважением к этому молодому поэту. Таким, знаете ли, задушевно-искренним и русско-сибирским теплом повеяло от его строчек:

*Едем мягко на арбушке,
Свесив ноги, тихий шаг.
На лице моем веснушки
В лес по ягоды спешат.
Веет мёдом на поляне,
И кузнечики шуршат.
Я нащупал, что в кармане
Карамельки две лежат.
Угощу одной я деда,
А другую сберегу.
Он рассказывал, что где-то,
На далёком берегу,
За высокими лесами,
Среди ночи, среди скал
В терему под образами
Мне невесту подыскал.*

В этих стихах — неподдельная любовь к сельской России, которой иные молодые современные поэты почему-то как будто стесня-

ются. В связи с этим как не вспомнить бунинские горькие строки о русской глубинке и её единокровных неблагоприятных детях:

*Они смеются над тобою
Они, о, Родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат.
Так сын, нарядный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских своих друзей...*

— и так далее. Василий Попов, хотя и горожанин по рождению, но он — единокровный сын глубинной России. Почему-то у нас сегодня часто изображают сельскую глубинку полупьяной, пишут о ней с жалостью, как об убогом нищем. Не видят за разрухой последних десятилетий ту русскую гармонию, которая, несмотря ни на какую разруху, осталась в русской провинции. Василий Попов пишет о селе с неподдельной любовью. А глубинная Россия, в свою очередь, питает творчество Василия своими родниковыми истоками. Он умеет найти такие проникновенные слова и интонации, которые трогают сердце читателя. Он обращает внимание на такие мелочи, которые придают его стихам о сельской жизни высокий смысл и неповторимое очарование. Читаю стихотворение Попова про езду на арбушке и невольно ощущаю, словно меня понемногу укачивает, настраивая на лирический сельский лад. Попов очень точно выбрал ритмический стихотворный размер — а на такое способны даже не все зрелые поэты. «Две карамельки», лежащие в кармане лирического героя стихотворения, как символ сыновней благодарности к людям старшего поколения. А спешащие в лес по ягоды веснушки лирического героя — символ гармоничного слияния с миром, ощущения себя частью родной природы. Молодые современные стихотворцы почему-то зорки не столько на красоту, сколько на уродства окружающего мира. Да, «свинцовых мерзостей» сегодня вокруг нас больше, чем красоты. Зрение истинного поэта устроено так, что не может остаться равнодушным даже к тем немногим крупицам прекрасного, что всё-таки сохранились в мире... Как сказал в разговоре со мной один опытный известный поэт, когда-то Есенин хотел в своих стихах повенчать розу белую с чёрной жабой. Нынче у большинства молодых поэтов «чёрных жаб» в стихах — в избытке, а по части «белых роз» — явный дефицит. Получаются в итоге какие-то «дальтонические» стихи, словно их авторы не способны воспринимать полноцветие мира. Василий Попов воспринимает всю полно-

ту красок и оттенков внешнего и внутреннего мира. Я не случайно, говоря о Василии Попове, вспомнил о Есенине: именно этот наш классик, по признанию Василия Попова, стал творческим наставником Василия в поэзии. А ещё к многим стихам этого молодого поэта можно смело ставить эпиграфом пушкинские строки «Чувства добрые я лирой пробуждал». Но в то же время лирический герой Попова обладает мужеством принимать как дар свыше не только ясное солнышко над Отчизной, но и ненастье:

*Мы уйдём, и пропадут куда-то
Все дороги неба и земли.
Хорошо деревьям, им не надо
Ни побед, ни славы, ни любви.
...Понимаешь, в мире есть тревога
За слова, что люди говорят.
Потому всегда молчит дорога,
Принимая ливень, снег и град...*

Всегда очень показательно, как тот или иной поэт пишет о Боге. «Приходских» стихов ныне предостаточно, в них поэты поминают Бога всеу едва ли не в каждой строчке. Когда-то так же пафосно поминали в стихах партию и Ленина. У нас в Сибири про таких воцерковленных стихотворцев сказали бы: «Часто кадишь — святых задымишь». Для меня, грешного, но всё-таки верующего человека православные стихи в первую очередь — слова благодарности Богу за счастье жить в созданном Им мире. И слова покаяния перед Богом за все неизбежные наши прегрешения. Стихи Василия Попова о Боге интересны тем, что это стихи не только верующего, но и духовно крепкого человека:

*Господи, спаси и сохрани!
Я ведь никогда в Тебя не верил.
Если в городе проходят дни —
Пролетают месяцы в деревне.
Жизнь идёт, её не обогнать,
Только мы идём не за Тобой.
Только кони, когда пить хотят,
Табуном несутся к водопою.
Господи, спаси и сохрани!
Нити рвутся в памяти тугие.
Не касаясь, пробегут одни,
Не поняв, являются другие.*

*Всё пылает красным от зари,
Будто кровью полыхают воды.
А, быть может, это мост горит,
По которому к Тебе приходим.*

...В 60-х годах XX века довелось мне бывать в Ангарске, который находится примерно в часе езды от Иркутска. Тогда Ангарск активно строился. Таким и остался в памяти — светлым, современным. Ездил я туда не по литературным делам, а как заядлый спортивный болельщик. В 60-х годах в Ангарске была единственная на всю Иркутскую область команда по хоккею с шайбой. Эта команда выступала в классе «Б» чемпионата России и называлась «Ермак». Чтобы поболеть за «ермаковцев», мы с друзьями и ездили в Ангарск. Уж не знаю, существует ли сегодня «команда молодости нашей»... Но тогда ребята-«ермаковцы» играли хорошо — уверенно, несуетно, по-сибирски! Эта сибирская несуетность, но только в творчестве, и привлекает в стихах Василия Попова — не суетится парень, не мельтешит, а спокойно делает своё дело.

В мае 2009 года на Всемирном Русском Народном Соборе в Москве я познакомился с Василием лично. Узнал, что родился Василий 3 апреля 1983 году. Что стихи начал писать случайно: в одиннадцатом классе в 2000 году одноклассница попросила его оставить в конце тетрадки автограф на память о совместных школьных годах. Автограф, что Василий вписал в тетрадь однокласснице, оказался поэтическим. «Удивившись и обнаружив что-то новое в себе, я пришёл домой, написал ещё пару стихов и забросил это дело, не придав этому никакого значения, — признался Василий. — В 2002 году опять вернулся к стихам, только уже через стихи Сергея Есенина. Не помню, по какому поводу я начал читать Есенина, но почувствовал редкое для себя притяжение к его поэзии и вообще к чтению. Поэзия словно встряхнула меня, я стал другим. Стал много писать. Стихи плохие, но я этого не замечал. Мне казалось, я — гений. В 2003 году попал на городской конкурс молодых писателей в Ангарске, где мне приоткрыли глаза и рассказали об элементарных вещах. После чего выбросил почти все стихи и начал заново. Здесь, на мой взгляд, случилось первое стихотворение, посвящённое отцу. С этого стихотворения можно отсчитывать моё более-менее сознательное творчество...». Очевидно, что Василий не настроен в поэзии почивать на лаврах и весьма взыскателен к тому, что выходит из-под его пера. Если он и далее сохранит эту несуетность отношения к творчеству, то вырастет в очень большого поэта и станет украшением не только литературы Сибири, но и всей России.

*Я уйду, не закрывая двери,
С тишиной мерцающей воды.
И вернусь, когда проснутся звери
От лучей неустовой звезды.
Я вернусь... И каждый, понимая,
Рассказал бы вам о жизни той.
У цветов пленительного мая
Нет любви взаимной и простой.
Я вернусь, конечно — добродушно
И с врагом мы песню запоем.
Ожиданье — вот что людям нужно.
Подождём... Немного подождём...*

«Хуже нет — догонять и ждать», — говорят в народе. Говоря о Попове, не соглашусь с народной поговоркой, потому что уверен: читатель вправе ожидать от Василия Попова новых творческих свершений. Об этом говорит оригинальность мышления молодого поэта, его стремление к образности и доверительности, исповедальность его поэтической интонации:

*Я всё скажу, а ты мне не поверишь,
Но в то, что было между нами, верь.
Любовь одна на всех и не измеришь
Словами жизнь и эту боль теперь.
Ты видишь день,
Ты слышишь расставаньё,
Ты слышишь ночь
Ты видишь голос мой.
Я знаю — это разочарованье,
Но именно оно родит покой.*

Осенью прошлого года Василий Попов стал лауреатом Всероссийского фестиваля «Соколики русской земли».

«В час, когда вызревала заря, снегириною грудью горя...»

Догадал же Валерия Сухова Господь Бог родиться в самый новый год, когда в шумных фейерверках и приятных предновогодних хлопотах нам обыкновенно недосуг думать о каком-то другом «имениннике», кроме Нового года. А Валерий Алексеевич, как и подобает русскому поэту, скромен и не станет напоминать окружающим, считающим часы до новогоднего боя курантов, о том, что в канун 2009 года ему вообще-то исполнилось 50 лет, с чем я его постфактум поздравляю его же стихами:

*Я родился в декабрьский мороз,
Когда сыпались звёзды с берёз
И сугробы вздымались до неба.
Как снежок, я был слеплен из снега
В час, когда вызревала заря,
Снегириною грудью горя.
И качала седая метель
Светлый месяц — мою колыбель...*

Пятидесятилетие — воистину золотой юбилей: можно подводить предварительные творческие итоги и в то же время есть силы для новых творческих свершений. Глубокий символ вижу в том, что получил юбилейную книгу избранных стихов Сухова под Рождество. В этой книге «Архангельский мой собор» собраны замечательные стихотворения, дающие представление о многообразии поэтической палитры Валерия Сухова, совершенно самобытного и вместе с тем глубоко традиционного поэта, лирического певца русской глубинки, которая в его стихах предстаёт центром мироздания и духовности. Темы большой и малой Родины в творчестве Сухова объединены в одну тему: малая Родина в творчестве Сухова вырастает до большой Родины и обе неразделимы:

*Не в Вифлееме — за тысячу вёрст —
В русской деревне родился Христос.
Не в сказке евангельской, а наяву
В Богом забытом селенье, в хлеву.*

*Плавно вздымались сугробов холмы.
Волки голодные выли из тьмы.
Издали шли с дарами волхвы
На свет звезды и по следу молвы.
Грудью кормя, улыбалась Мария
Сила незримая дверь отворила.
И, узнавая родимую плоть,
Благословил Русь Святую Господь.*

Насчёт «Богом забытого селенья» не соглашусь с поэтом. Никогда Бог не забывал Россию — и творчество такого замечательного поэта, как Сухов, уроженца русской глубинки — тому наглядное подтверждение. Бог помнит о России и тогда, когда посылает ей, сохранившей крепость Веры, величие победы. И тогда, когда награждает родившихся в глубинке русских мальчиков поэтическим талантом... Но даже и тогда, когда Бог заставляет Россию через труднейшие испытания вернуться к себе самой, Он тоже помнит и любит Святую Русь:

*Россию распри истерзали!
Судьба на муки обрекла...
И беженкою на вокзале
Мария сына родила.
И молча милостыню просит,
Ребёнка замотав в тряпье.
Бывает, мелочь кто-то бросит,
Наткнувшись на глаза её.
Они бездомны и бездонны.
Их солью выела беда!
Нет молока в груди Мадонны.
И нечем ей вскормить Христа.*

Горькие строки... В творчестве Валерия Сухова порой весьма отчётлив привкус полынной горчинки, столь понятный в устах русского поэта в наше смутное время. Неслучайно постоянен в поэтике Сухова образ полыни, обжигаемой безжалостным суховеем — суховеем, который не ведаёт, что творит. Этот мотив в поэтике Валерия Сухова очень точно подмечен известным литературоведом из Воронежа Вячеславом Лютым. И эта же «тема полыни» является художественным мостиком между миром мирским и суетным и миром высоким и горним в творчестве Валерия Сухова. Вот как пишет по этому поводу Вячеслав Лютый: «...в поэзии Валерия Сухова повторяющиеся образы «поля боли», «полыни» в разных вариациях сменяются сокро-

венным переживанием коллизий Священного Предания: притчи о блудном сыне, жертвенности агнца, крестных мук Спасителя. Автор видит мистически приметы в бытовом течении жизни, и голос его сдержан, в нём нет надрыва, но есть мудрая бесстрастность иконописи, в особенности — сюжетов о мучениках за веру Христову. Евангельский отблеск в стихах Сухова совсем не демонстративен. Сначала перед нами предстаёт реальность, очень точно прописанная словами, а уже затем проявляется её бытийный шлейф, как бы говоря нам: так было прежде и смысл происходящего тогда не был понят...».

Так же часто встречается в суховском творчестве образ сбившегося с дороги странника, что роднит творчество Валерия Сухова с русскими сказками и былинами. Сегодня мотивов поиска пути и блуждания главного героя немало в современной литературе. Это и понятно: все мы так или иначе, каждый на своём месте, осознанно или подспудно, ищем выходы из той ситуации, в которой оказалась Россия и все мы в последние смутные годы — дай Бог, чтобы они действительно были последними годами смуты на Руси!.. К чести лирического героя Валерия Сухова, он не просто бесцельно блуждает от избытка досуга, но мучительно ищет и всегда находит путь спасения — часто весьма неожиданный для читателя. И находит это спасение не на стороне — но в родовом русском укладе.

*В метель собьётся конь с дороги,
И вспомню я тогда о Боге,
Когда с обрыва рухнем мы
В кипящую пучину тьмы!*

*Локтями изломаю лёд,
И глотку олово зальёт.
Затянет рана-польнья.
Россия — Иордань моя!*

*Приму крещение в крови —
В горячей захлебнусь любви.
И звёзды, как глаза коня,
Из бездны позовут меня.*

Спасая себя, лирический герой Валерия Сухова спасает Россию, потому что не мыслит себя в отрыве от неё. При этом он прекрасно отдаёт себе отчёт во всех несовершенствах отечественной истории. Впрочем, разве существуют в мире государства с идеальным историческим путём?

*Нет ни горше страны, ни родимей.
Горе горькое с нею мы пьём.*

*И в двадцатом веке Владимир
Русь крестил перекрёстным огнём!
Диктатурою и декретами
Зачиналась рознь и резня.
И была пулемётными лентами
Перекрещена матросня.
Показалось, что крови мало
(Приправляли её к вину).
Из ипатьевского подвала
Она хлынула на страну.
В той крови утонула идея.
В чрызвычайке распяли Христа!
И, от выпитой чаши балдея,
Русь осталась с крестом без креста.
«Ветер, ветер — на всём Божьем свете!»,
знать, недаром по-волчьи ты выл.
Русь распятьем Господь отметил,
Только вот воскресить забыл.*

И опять позволю себе не согласиться с поэтом. Разве те муки, что сегодня претерпевает наша страна, не есть муки возрождения, крестные муки, за которыми непременно последует воскресение. Россия жива вопреки всему и непременно возродится в ещё более славной мощи, потому что русские поэты, такие, как Валерий Сухов, как множество других поэтов русской глубинки, любят Россию в её муках так, как, возможно, не любили, когда она была великой страной. Нам ведь и жальче-то свою мать не тогда, когда у матери всё в порядке. А когда она болеет, только тогда мы понимаем, насколько она нам дорога.

*О гибели гундосит гнусь!
И кружит коршун над польнью.
Душой хватаемся за Русь,
Как за последнюю святыню.
Во времена великих смут
От боли Родина дороже.
И ждёт нас самый страшный суд,
Если спасти её не сможем!*

Это не просто гражданские стихи, это стихи поистине апокалиптические, когда апокалипсис есть следствие нашего человеческого равнодушия к судьбам Родины. Причём перед Россией равны как

лже-вожди и лже-мессии, так и те, кто верит в их бесовские речи о том, что Россия обречена.

*Мы — заблудшие дети России.
Сколько раз нас сбивали с пути
Новоявленные мессии!
Новопризванные вожди!
Возносились они над нами
И калифами были на час.
Русь насильовали, распинали,
А она — молилась за нас.
Чтоб бесовством переболели
И душой исцелились навек.
Перед Родиной на колени
Упадём покаянно в снег
Посреди её бездорожья,
На распятии всех путей.
И Россия, как Матерь Божья,
Не оставит своих детей.*

А ещё Валерий Сухов умеет гармонично сочетать в себе редко сочетаемые качества учёного-филолога и поэта. Выпускник историко-филологического факультета Пензенского государственного пединститута им. В.Г. Белинского, он многие годы работает в родной альма-матер. В 1996 году закончил аспирантуру при Московском педагогическом университете. А в 1997 году получил звание кандидата филологических наук, написав первую в России диссертацию, посвящённую русскому имажинизму. В 2005 году Институтом мировой литературы им. А.М. Горького был издан сборник научных трудов «Русский имажинизм: история, теория, практика», куда вошли три статьи Валерия Сухова. Сейчас Валерий Алексеевич занят изучением проблем современного есениноведения и готовит монографию о влиянии поэтики Михаила Лермонтова на творчество Сергея Есенина. Лермонтов и Есенин, похоже — любимые поэты Сухова, которых он воспринимает не как давно погибших классиков мировой литературы, но как духовно близких и словно бы сегодня живущих среди нас людей:

*Родились поэты в октябре.
Ночью — Лермонтов, Есенин — на заре.
Золотой метелью Русь заносит
Ясная и пасмурная осень.*

*Расстелился голубой туман
От приокских далей до Тархан.
В тучи обращает облака
Демона гнетущая тоска.
Ветер закрутил кленовый лист.
От земли до неба путь кремнист.
И на взлёте обрывает жизни
«Странная любовь» — любовь к Отчизне...
Русская душа жива, пока
В ней поёт тарханская тоска,
Песней константиновская грусть,
Как рубаху, разрывает грудь!*

Поэт Валерий Сухов является земляком великого русского поэта Лермонтова не только географически, но и духовно. Отдельный цикл в юбилейном книге Сухова посвящён осмыслению судьбы русских поэтов через попытку художественного осмысления судьбы гениального и такого одинокого Лермонтова. Мне пока не довелось побывать в святом для каждого русского человека месте — пензенских Тарханах. Но благодаря суховским стихам эту великую землю, напитавшую талант великого Лермонтова, можно представить очень въяве и вживе:

*И снова дождь пошёл в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.
...Июльский дождь идёт в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.
...Да! Лучше умереть на взлёте,
Чем на излёте умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать.
Летящую над чёрной бездной
Её — архангел Михаил
Всем воинством своим небесным
От злого демона хранил.
Шумит под дождиком осока
И тихо дремлет старый пруд.*

*А надо, в сущности, немного.
На миг остановиться тут.
Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нём светлый обрела покой.*

Через призму трагической судьбы Лермонтова Валерий Сухов осмысливает судьбу не только другого русского трагического гения Есенина, но и судьбу других талантливых наших словотворцев Павла Васильева, Марины Цветаевой, Варлаама Шаламова. Во всех стихах, посвящённых русским писателям, очевидно глубоко личностное отношение Валерия Сухова к этим людям, которых при всей разности их судеб роднит некий непреложный трагический закон — быть одинокими среди толпы. И только осознание некоего долга перед Богом помогает им выстоять в этом нелёгком мире и достойно пронести по жизни свой крест.

Автор поэтических сборников «Вербное воскресенье», «Благословение», «Неопалимая полынь», «Родное Архангельское», «Архангельский мой собор», вышедших в Москве и Пензе, Валерий Сухов в 2005 году был награждён премией губернатора Пензенской области за достижения в области литературы. На соискание этой премии его выдвинул коллектив пензенского литературно-художественного и культурологического журнала «Сура» — одного из лучших региональных изданий современной России. Титульным качеством этого журнала я считаю то, что тенденции современности в нём поверяются глубокими традициями отечественной культуры. На таких журналах, как «Сура», и стоит сегодня истинная отечественная культура! Валерий Алексеевич является членом Общественного Совета «Суры» и отвечает за творческий обмен журнала с другими региональными изданиями, потому что одной из составляющих политики этого журнала является открытость литературным ветрам современности и живой интерес ко всему лучшему, что есть в литературе. И в то же время у журнала «Сура», крона которого устремлена ввысь и вширь, крепкая корневая система. И эти корни питаются соками чудодейной пензенской земли, о которой так проникновенно пишет Валерий Сухов:

*Ветер травы вздымает под вечер.
Много выпало им на веку.
И куёт безымянный кузнецик
Слово звонкое о полку.*

*Русь совсем одолел татарник.
Злые стрелы посеял осот.
Васильковую рать утром ранним
Против них зверобой поведёт.
В золотом шеломе, в кольчуге,
Заслонив родимую синь...
Князь с дружиной полягут за други,
И поникнет от горя польнь.
Без разбору коса косила,
Не познаша своих и врагов.
Голубое небо застыло
Перед смертью в глазах васильков.*

Именно этой корневой связью с родной землёй, пожалуй, во многом и можно объяснить творческую и научную плодотворность Валерия Алексеевича. Родной пензенский чернозём и суглинок дают поэту силы не только творить стихи и заниматься научной работой, но и встречаться со своими земляками. Сухов — частый гость в местах своего детства и юности — городском райцентре Городище и родовом селе Архангельское. Вместе со своим отцом Валерий Алексеевич издал книгу, посвящённую истории родного села. Первая часть книги о селе Архангельское написана отцом Валерия Алексеевича. А вторая часть — книга в книге — это лиро-эпическая история села, увиденная поэтом Суховым. Представляя этот сборник землякам, известный пензенский литературовед Олег Михайлович Савин сказал: «Обращение к истокам своего крестьянского рода, стремление сохранить память о прошлом определили своеобразие авторского замысла: собрать в одну книгу стихотворения, связанные тем или иным образом с родным селом. Стихотворения Валерия Сухова «Старый дом», «Крещение», «Похороны деда» его земляки заучивают наизусть. Это убедительное свидетельство того, что они затронули людские сердца, пробудили в них что-то самое светлое и святое. А в этом, наверное, и заключается главная задача истинной поэзии».

*Без родины — поэта нет.
Родного не понять чужому.
Так в сумерках заветный свет
Вдруг обожжёт тоской по дому.
Тогда по-волчьи впору выть
Сухому перекаати-полю,*

То вспомнив, что нельзя забыть,
Бродяжью проклиная долю.
Поэта русского судьба —
Врасти корнями в край родимый,
Здесь материнская изба
Хранит в окне огонь рябины,
Когда печально старый клён
Клин провожает журавлиный
И ветер колокольный звон
Разносит, как напев былинный.
А за Окой такой простор,
Что сердце не захочет рая.
И, вспыхнув здесь, души костёр
Горит, как Русь, не угасая.

Какой простор в этом стихотворении, какая затаённая любовь к родному. А ещё, читая суховские стихи, вы невольно отметите их музыкальность, основанную на созвучии слов. Эта музыкальность отнюдь не придуманная, она словно бы подслушана поэтом у родной природы — у говора реки, у шума ветра. Эта музыкальность не только придаёт стихам Сухова совершенно особое обаяние, но помогает расслышать сегодня то, что хранит родная природа и родная речь многие века, как самое сокровенное и далеко не всем доступное знание о великом прообразе былой России, которую нам снова придётся заслужить и выстрадать:

Господи! Какая благодать
В знойный полдень искупаться всласть.
Средь небесно-голубой воды
Как младенец, ближе к Богу ты.
В каждой речке вижу Иордань.
Отдаю тысячелетьям дань.
Русь-Сура прозрачная — до дна,
До песка и камушков видна.
Вечерами внятней речки речь
Про огонь погонь и острый меч.
Как Владимир, словно Иоанн,
Непокорных окрестил славян...
Широко раскинулась река,
Волнами раздвинув берега.
Окунаясь в голубой покой,
Обернулась Русия — Сурой.

Творчество Валерия Сухова интересно тем, что он не разделяет Россию на «белую» и «красную», на православную и языческую, на «плохую» и «хорошую». Но воспринимает историю родной страны и родного края как некую данность свыше и слышит поэтические созвучия как в глубокой старине, так и в современности. Не потому ли, что Валерий Сухов способен слышать неброский лиризм народной поэзии, некоторые его стихи похожи на песни — тут и рефрен, и сюжет, и выверенный звукоряд. Песня с текстом, который мне хочется привести в завершение своего размышления о поэзии Валерия Сухова, вполне могла бы украсить репертуар народного хора, если бы нашёлся композитор, который был бы созвучен суховскому негромкому и проникновенному лиризму:

*В ночь накануне Ивана Купала
Сердце подковою в воду упало.
Может, на счастье, может, на горе
Выпил я реку, а надо бы — море.*

*В ночь накануне Ивана Купала
Ветром душа моя в небо взмывала
Так высоко, что костру не достать.
Может, Жар-Птицей хотелось ей стать?*

*В ночь накануне Ивана Купала
Росы любимая в горсть собирала
И серебром окатила меня.
Омолодил меня холод огня!*

*В ночь накануне Ивана Купала
Душа, словно папоротник, расцветала.
Клад открывая на каждом шагу,
Вижу я золото, да взять не могу...*

На дальней дистанции

Грани документалистики и художественности

Возможность побывать на Всемирном Русском Народном собрании в мае 2009 года я воспринял как подарок судьбы. К тому же, повод поездки был вдвойне приятный. Я не только ехал участвовать в работе Собора, проходившего в Московском Храме Христа Спасителя. Я попутно планировал забрать часть тиража своей новой, вышедшей в московском издательстве «Российский писатель», книги «Ангел с огненным мечом» — творческие портреты писателей-современников. Собственно, именно на интересе к личностям и литературному процессу мы во многом и сошлись с М.И. Фёдоровым, как понимаю по прошествии времени. Поначалу пересеклись чисто географически: нас в московской гостинице поселили по совету. Воспитанный Фёдоров, глядя на мою пачку сигарет, предупредил, что не курит. Причём сделал это так тактично, что я невольно подумал: «Однако с подходом мужик!». Когда стали общаться, выяснилось, что Фёдоров — адвокат по профессии, стало быть, без этого, самого подхода к людям ему никуда. С соседом мне повезло — Фёдоров оказался не выпивоха, не болтун, начитан, по всему чувствуется, что хороший семьянин. С незашоренным взглядом на классическую и современную литературу. Наблюдательный — видимо, профессия адвоката тоже к тому обязывает. Подарил мне альманах «Медвежьи песни» — это очерки о писателях-земляках. Очерки меня заинтересовали, потому что сам последнее время пишу о поэтах и прозаиках. С годами как-то острее ощущается быстротечность времени и растущая, вместе с тем, потребность хоть как-то это время зафиксировать. По правде сказать, мне мои очерки о коллегах больше проблем принесли, подозреваю, что и Фёдорову — тоже! Писателям ведь вечно кажется, что их недохваливают и недооценивают в то время, как других перехваливают и переоценивают. Я поначалу пытался объяснить, что любой портрет, в том числе очерковый, всегда субъективен. А потом рукой махнул.

И вот «Громкие дела писателей» Михаила Фёдорова. Воистину: громко и ярко жили на земле воронежской творцы русского слова! Не всех, конечно, можно назвать словотворцами в полном смысле этого слова, но — Троепольский, Прасолов, Дёгтев... «Белого Бима»

без слёз до сих пор читать не могу, хотя давно из детского возраста вышел. Стихи Прасолова душу греют, как немногие. Ну а книги, подписанные мне Славой Дёгтевым — гордость моей домашней библиотеки. Поначалу читаю фёдоровские рассказы с удивлением. Фёдоров неожиданно показывает мне известных писателей несколько иными, нежели я себе их представлял как читатель. Интересен выбранный Михаилом Ивановичем ракурс — дальняя дистанция во времени и попытка приблизить это время в пространстве! Ведь жизнь бывает разной, и невозможно вместить её в какие то рамки и каноны, пусть даже истинно художественные. Жизнь шире любой самой талантливой литературы. В ней соседствуют великое и ничтожное, пафос и ирония, смех и слёзы. И любовь! Да, любовь — разная она бывает. У кого-то из писателей, о которых пишет Михаил Фёдоров, она была к литературе. Через эту свою любовь эти литературолюбы раньше времени ушли из жизни, но в литературе остались. А у кого-то эта любовь была больше к самому себе да к суетной нашей, а пуще того — сладкой жизни. Эти жизнелюбы пожили всласть при жизни за счёт литературы, а после смерти их имён никто не то что в России, в Воронеже-то, где они обитали, не вспомнит. Так ничтожен оказался их вклад в литературу.

Кое-кто скажет, что не след на всеобщее обозрение литературную кухню выставлять. Я к таким конспираторам не отношусь: сам немало в своё время претерпел от всевозможных «подобедовых» и «булавиных» — в каждом регионе страны они свои были, любители сладко пожить за чужой счёт, прикрываясь высокой литературной риторикой. А на деле видели смысл жизни в устройении своих личных дел и делишек, да в устранении конкурентов — причём, любой ценой. Очерки Фёдорова при всей их острой «фактуре» не оставляют ощущения сведения счётов. Ведь пишет он о делах давно минувших дней. И если не о «преданьях старины глубокой», то, во всяком случае, о людях, с которыми пересекаться лично в силу возраста никак не мог. А всякая «редактура» реально имевшего место прошлого неизбежно вызовет ложь. После чтения фёдоровских рассказов о писателях на лице читателя то и дело возникает улыбка — то добрая и грустная, то саркастическая и снисходительная.

Наше с Фёдоровым знакомство, начавшееся в Москве, не прервалось и в дальнейшем. Михаил Иванович время от времени позванивает мне, интересуется здоровьем. Хотя кто я ему? Обмениваемся с ним новыми книгами, новостями. Новые книги Фёдорова, издаваемые в солидном воронежском издательстве Болховитинова, впечатляют не только объёмом. Конечно, заинтригованный предыдущими рассказами о писателях, я с интересом жду продолжения

темы прихотливых порой судеб воронежских словотворцев. Из-под пера Михаила Ивановича портреты писателей Воронежа выходят полнокровными, живыми — прямо видишь, как они говорят, как двигаются и как рядом в душе одного человека могут соседствовать величайшее самопожертвование с величайшей подлостью.

Для примера возьму рассказ Фёдорова о Евгении Люфанове — талантливом писателе с колоритной, хотя и не очень импозантной внешностью, которую так красочно описывает Фёдоров. Приехавший в Воронеж из Ленинграда, где жил в престижной квартире на Марсовом поле и пользовался всеми писательскими столичными благами, Люфанов причиной своего переезда называл семейные обстоятельства. Мол, сын и жена сбились с пути, семейная жизнь с ними в одной квартире стала невыносимой. Воронежские писатели после некоторого времени зауважали Люфанова настолько, что выбрали председателем Воронежской областной писательской организации. Он оказался руководителем, сведшим на нет писательские интриги, стал устраивать встречи с интересными людьми и учёными, чтобы коллеги могли расширять свой кругозор. Возобновил обсуждение новых книг и произведений. Но главное — во время своего руководства Люфанов спас для Воронежа и России могилы великих русских национальных поэтов Кольцова и Никитина. Несмотря на тогдашнее всеобщее, казалось бы, уважение советской власти к литературе, воронежские власти с маниакальной настойчивостью тем не менее хотели почему-то уничтожить могилы этих русских классиков. Для начала построили цирк на месте старинного кладбища — фактически на костях предков, решив со временем сделать на месте кладбища парк культуры и отдыха. Остроумцы-воронежцы сразу окрестили это строительство Парк ЖиМ — живых и мёртвых. В парке были расположены часовня и рядом — надгробия Кольцова и его родственников, памятник Никитину. Тогдашний глава города Поспеев, обладавший медным толоконным лбом чинуши и аналогичным умом, называл старинные строения, являющиеся гордостью города, старьём, которое надо безжалостно сносить. Далее лучше дать слово самому автору рассказа Михаилу Фёдорову:

«...Доходит это до Союза писателей. До председателя писательской организации Люфанова. Люфанов звонит Поспееву: «Да вы понимаете, что вы делаете? Да это же позор на всю Россию. Это же прах великих поэтов!». Поспеев отвечает: «Никакого праха там нет. Я уничтожил в Воронеже восемь кладбищ (как говорится, нашёл, чем гордиться! — прим. Э.А.). И я вам как специалист скажу, что через восемь лет в могиле уже нет никакого праха, всё истлело и всё исчезло. А если не верите, я вам даю экска-

ватор, его сейчас пригонят к Союзу писателей, отправляйтесь туда и копайте...». Люфанов разъяряется, начинает кипятиться, кричать, но видит, что это непробиваемо. Кладёт трубку и тогда звонит напрямую Воротникову. Секретарём обкома был Воротников. И, можете представить, его соединяют с Воротниковым. Потому что он представляется: «Говорит Председатель...». Прежний секретарь Хитров не стал бы слушать, кто-нибудь другой — тоже, но Воротников стал. Тем более, он сам воронежец. И Люфанов начинает на него орать, буквально срывая голосовые связки, он кричит неистово, грубо. Все, кто это слышал — а двери в кабинет председателя в Союзе писателей открыты, — подумали: «Боже, с кем это он так?». Но чувствуют, что это он с должностным лицом. Не кого-то из писателей за очередную пьянку отделявает. И кричит таким образом: «Я требую! Я не прошу, я требую, чтобы вы явились к могилам Кольцова и Никитина, и чтобы уничтожение этих могил происходило в вашем присутствии! Чтобы лично на вас легла ответственность за содеянное!» — бьёт по стеклу на столе кулаком. Стекло потом оказалось разбито. И говорит: «Поспеев уже погнал туда бульдозеры. Я сейчас собираю писательскую организацию, мы все идём туда, к этим могилам, и мы там станем грудью, цепью, как панфиловцы на огневом рубеже. И уж если вы уничтожаете Кольцова и Никитина, так уничтожайте нас всех. Я — боец ленинградского ополчения. Я стоял перед немецкими танками!»... Бросает трубку, просит секретаря обзвонить, у кого есть телефоны, пусть все писатели собираются к цирку — там уничтожают могилы Кольцова и Никитина. И все туда побежали, там очень скоро собралась большая толпа. Примкнули прохожие. Шли какие-то рабочие с электромеханического завода. Шли художники. У них было собрание, потом они выпили. В хорошем таком духе. И воронежский художник Василий Криворучко с ними: «Что тут?» — «Да вот Кольцова и Никитина сейчас будут...» — «Как?! — кричит Василий. — Да пусть и меня давят!». Рвёт на себе рубашку. Собрались человек сто — сто пятьдесят. Там уже писатели в этом множестве потонули. И гудят, действительно, как танки, экскаваторы, ползают вперёд-назад. Двигают эти кучи песка, щебня. Потому что решили не просто по отдельности сносить памятники, остатки стен часовни, а просто вот так чохом всё сразу сдвинуть, образовать ровную плоскость и тут же немедленно залить её асфальтом. И всё! Надвигаются на могилы Кольцова и Никитина. Остаётся метров десять-двенадцать. Все писатели были в страшном гневе... Люфанов действительно

не ушёл бы, он предпочёл бы погибнуть... Какой-то отклик Великой Отечественной войны. Как тогда под танки бросались, так тут — под бульдозеры... И в тот момент, когда остаётся полторы—две минуты, как бульдозеры надвинутся на могилы, замершие зрители, Люфанов, приготовившийся лечь под бульдозер, увидели, как по улице от обкома бежит совершенно взмыленный заведующий отделом культуры обкома: «Я от Виталия Ивановича (это Воротников). Он очень занят, он пришёл бы сам, конечно, безусловно, вот послал меня и велел сказать только одно: как писатели решат, так и будет. Оставить могилы или перенести». В ответ вся толпа хором: «Оставить!». Вот так и оставили...».

Не скрою, что прочитал эти строки с гордостью за то, какими решительными порой могут быть писатели, когда дело касается защиты русской литературы. А ещё с грустью подумалось, что, наверное, у нас в Самаре писатели не обладают той же харизматичностью, что в Воронеже. «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». Все как-то больше за собственное кресло литчиновное традиционно трясутся, перед чиновниками лебезят. А в итоге престиж литературы и статус писателя все падают и падают в Самаре. Уже и падать-то ниже некуда! В своё время по указке Куйбышевского обкома замяли дело с расследованием убийства ведущего на тот момент куйбышевского поэта Владилена Кожемякина, которое, как говорили, совершили милиционеры. Уж очень квартиры и прочие блага тогдашние коллеги Владилена Кожемякина хотели получать, вот и сдали своего талантливоего поэта-собрата за эти блага. И хотя власть с тех пор изменилась, была советская, стала либеральная, была красная, стала некресная, но мало что изменилось. Как тогда, так и сегодня не можем мы в Самарской области сплотиться и заставить власть услышать нас и считаться с интересами самарского литературного процесса. Видимо, в Воронеже писатели лучше, чем мы, осознают свою социальную ответственность перед обществом. Спасая могилы Кольцова и Никитина, Люфанов, который лёг бы под бульдозер (именно поэтому власть и пошла на попятную, потому что поняла эту готовность председателя пожертвовать собой ради дела), писатели Воронежа спасали не только прошлое, но настоящее и будущее литературы.

Однако, если читатель думает, что Михаил Фёдоров написал идеальный портрет писателя Люфанова как рыцаря без страха и упрёка, то это вовсе не так. Люфанов был человеком с неизбежно присущими человечеству недостатками. Вскоре ему надоело руководить писательской организацией. Он устал гасить неизбежные писательские склоки и ушёл с поста председателя. Но можно ска-

зять, что на посту председателя он сделал главное дело — доказал власти, что она обязана считаться с интересами русской истории и литературы. И это была его, Люфанова, большая, на мой взгляд, заслуга! А заслуга Михаила Фёдорова в том, что написал рассказ о живом человеке, который, несмотря на изнанку своей натуры, оказался способен на высокий гражданский порыв. Вот об «изнанке» Люфанова немного тоже, наверное, надо сказать. Вскоре выяснилось, что уехал Люфанов из Ленинграда вовсе не по семейным обстоятельствам. А, скорее, по политическим. В это время началась эпоха реабилитанса, как её порой называют. Стали возвращаться из мест отдалённых те люди, которые в этих местах очутились не в последнюю очередь благодаря «указивкам» Люфанова. Эти люди требовали разбирательства и возмездия. Потому Люфанов предпочёл покинуть Ленинград и обосновался в Воронеже. Но от худой молвы не убежишь. Она нашла Люфанова и в Воронеже. Он очень сильно переживал, перенёс обширный инфаркт, но выжил. А нам, читателям, остаётся только удивляться, как в одном человеке уживаются столь разные человеческие и античеловеческие качества.

Заслуга же писателя Михаила Фёдорова в том и состоит, что он имеет мужество и полагает это мужество в своём читателе. А мужество в том состоит, чтобы воспринимать человека не однобоко, а в совокупности всех его жизненных обстоятельств. Видимо, этому редкому в современном писателе качеству научила Фёдорова его многолетняя юридическая практика. Она позволяет ему работать на грани документалистики и художественности. И поверять одно другим.

«Ах, Россия, девочка босая...»

При всём обилии литературно-художественных журналов (редкий Пуважающий себя регион и город сегодня не имеют литературного издания!) не так много в России журналов, обладающих «лицом не общим выраженьем». Когда читаешь журнал «Сура», издаваемый в Пензе, становится ясно: главный редактор этого журнала — человек не только системно мыслящий и разносторонне талантливый, но и глубоко разбирающийся в культуре. О чём бы ни рассказывал журнал «Сура» своим читателям — о театре, интересных людях, этнографических исследованиях, музыке — журнал всегда опосредованно говорит о литературе как основе основ культуры. «Сура» — не просто литературное, но литературоцентричное издание, не вырывающее литературу из контекста жизни и культуры, не отделяющее Слово от Жизни. И это, конечно, заслуга, в первую очередь, главного редактора Бориса Шигина. Судя по его биографии, Шигин очень разносторонний и «широкоформатный» человек. Интеллигент в шестом поколении, который осознаёт свою глубокую корневую связь с предками и ответственность перед ними за то, как живёт.

*Слава Богу, родители живы,
Слава Богу, что видят они:
Наши песни просты, но не лживы
И трудами наполнены дни.
Ведь они нас учили тому же,
Их запомнилась тихая речь:
Затянуть ремешки можно ту же,
А вот совесть и честь — побережь...*

Филолог по образованию, Борис Шигин долгие годы работал на Пензенской студии телевидения, где прошёл путь от редактора передач для молодёжи до главного редактора авторских программ. Сегодня образ тележурналиста ассоциируется с бойко тараторящим суетливым телеведущим, не шибко обременённым нормами русской лексики и элементарной этики. Шигин своей работой и творчеством в качестве тележурналиста напрочь опровергает этот расхожий образ. В годы, когда литература была свергнута с её законного государственного идеологического пьедестала (куда немедленно

водрузила свои оголённые тела культура-поп), Борис Шигин не пошёл, как многие его коллеги в России, по пути наименьшего сопротивления, опуская требования творчества до потребности публики. А сделал на Пензенском телевидении серию замечательных литературных передач, став автором телепроектов: «В присутствии Пушкина», «Тарханы с Тамарой Мельниковой», «Мой Лермонтов», «Семейное чтение»...

*Кто осенью бывал в Тарханах,
Тот суть поэзии постиг.
Там в жёлтых лиственных барханах
Спит Михаил Архистратиг.
Там пруд на зорьке коченеет
И отражения моста
То вдруг трепещут, то немеют,
Как у любовника уста...
...Свернёшь на тихую тропинку,
И глядь — кремнистый путь блестит.*

Посвящения выдающимся отечественным поэтам прошлого занимают очень значимое место в творчестве Шигина-поэта. К чести Бориса Владиленовича, он не эгоцентрик в творчестве, как большинство поэтов. Видимо, открытость на талант и стала одной из составляющих успеха Шигина в качестве главного редактора журнала. Она же помогает Шигину ощущать себя современником всех выдающихся поэтов прошлого. Для Бориса Шигина наши классики — не бронзовые кумиры, а доселе живые люди, к которым можно прийти со своими болями и радостями:

*Над рекою повис снегом вышитый вечер.
Как на Мойку, 12 мне идти не спеша?
Может быть, для меня это — главная встреча,
И от мысли такой ускоряется шаг...*

Многие стихотворения Бориса Шигина отмечены печатью лирической созерцательности и некой философской отстранённости. Но на самом деле внутри этих стихов бьётся острый пульс современности — не той современности, что сиюминутна и преходяща, а той, что ощущает биение пульса эпохи:

*Так и живу, мне большего не надо.
Не надо быть участником парада.
Я шумной вечеринке предпочту
Общенье с другом или же собакой,*

*Что, в общем-то, одно и то же...
Дракой меня уже давно не зазовёшь
Решать непримиримый спор.
Всё ложь, всё суета сует и искушение...*

Держать руку на пульсе времени Шигин умеет, ибо принадлежит к людям, которые любят учиться. Учёба Бориса Шигина не ограничилась студенчеством и самообразованием. Был Институт повышения квалификации Гостелерадио СССР, Пензенский госуниверситет, где Шигин — доцент одной из кафедр. В 1982 году Борис Шигин стал членом Союза журналистов СССР. В 2001 году был принят в Союз писателей России. Пензенский литературный журнал «Сура» возглавил в 2003 году, после чего журнал резко пошёл в гору... По правде сказать, Шигин — самый разносторонний из героев моих эссе. Поэт, журналист, бард, учёный, главный редактор литературного журнала, общественный деятель (член Общественной палаты Пензенской области)... Что немаловажно, шигинская разносторонность успешна, словно в сутках у него, по крайней мере, 29 часов. Шигин — лауреат премии Союза журналистов СССР, трёх премий Губернатора Пензенской области за достижения в области журналистики и литературы. Дважды лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова: в 2007 году за вклад в культурно-просветительскую деятельность по формированию единого культурного пространства на территории Пензенской области и в 2008 году за книгу стихов «Пока решает третья Парка». Награждён большой золотой медалью российского Фонда мира за благотворительную деятельность в рамках международной программы «Русская инициатива»... Став главным редактором «Суры», сделал журнал центром притяжения литературных и культурных сил Пензенской области. На базе «Суры» работают литературно-творческие клубы: «Берега», «Прозаик», «Поющие поэты». Выступил инициатором культурно-просветительской программы «В русле «Суры» и приложения в журналу «Библиотечка Суры». В качестве руководителя Центра поддержки русского языка и чтения на территории Пензенской области Борис Шигин проводит большую работу по сбережению государственного языка России. А вот у нас в Самаре, насколько я в курсе, аналогичным областным центром руководит не писатель-словодержец, первоносите́ль и хранитель языка, а дама-библиотекарь.

Не очень люблю я слово «бард». По-моему, к Борису Шигину оно не вполне подходит. Поющий поэт — это точнее. «Бардами» обыкновенно называют тех, чьи тексты лежат за рамками литературного обсуждения. Шигин — поющий поэт, потому что его песни

можно читать с листа, а не только слушать. Впрочем, даже без музыкального сопровождения слова шигинских стихов льются, певучие, как река Сура, на которой живёт поэт и в честь которой назван руководимый им журнал:

Яблочный да Хлебный, да Медовый...

Ах, какое чудо — слово «Спас»!

Почему же снова плачут вдовы,

В августе кричат в который раз?

Ласточки пугливо улетают,

Осенины — час снимать плоды.

Ну а нас все всходами пугают,

Сорняком подкравшейся беды.

Знать, Преображение Господне

Не для всех великий праздник. Жаль!

Так какое слово мы сегодня

Занесём в российскую скрижаль?

Как же растеряли мы всё это —

Эх, полегче что-нибудь спроси.

Горько: молодое бабье лето

Вдовьим нынче стало на Руси.

Какое замечательное слово — осенины. Доселе не встречал такого ни у кого из поэтов! Шигинские поэтические тексты не теряют очарования, даже будучи лишены музыкальных «подпорок». Пусть в вышеприведённом стихотворении это очарование с осенней горчинкой, но это горчинка дорогого вызревшего вина, потому что поэзия самодостаточна. Как человеку читающему, мне не застит взгляд многократное лауреатство Бориса Владиленовича на Всесоюзных фестивалях авторской песни в Москве, Харькове, Калининe, Новокуйбышевске, Пензе. По мне тексты превыше всего! Борис Шигин — автор поэтических сборников: «Моим друзьям» (1992 г.), «Запечатлеть движения души» (1995 г.), «Девятый возраст» (1997 г.), «Новый ковчег» (2000 г.), «Стихотворения и песни» (2002 г.), «Я двух женщин люблю» (2007 г.), «Пока решает третья Парка» (2007 г.)... Конечно, его стихи рассчитаны на вдумчивого читателя с воображением, потому что приглашают к сотворчеству и нацелены на душевный отклик авторским переживаниям. Парки — это античные древнеримские богини, которые держат в руках нити человеческих жизней и судеб. Именно паркы решают — оборвать ту или иную нить жизни или повременить. Не думайте, что паркы — это очень далеко от России и в пространстве, и во времени, хотя в стихах Шигин — типичный русский фаталист, верящий в судьбу почти так

же, как в России верят в Бога. Такая уж у нас страна, такой её видит и Борис Шигин:

*Я из тех, кто поле не бросает,
Поле боя или васильков.
Ах, Россия, девочка босая,
Раны кровоточат от оков.
Я из тех, кто, волю выбирая,
Может жить, мечтая, и в тюрьме.
Ах, Россия, ты, как отблеск рая,
Польхнёшь и скроешься во тьме.
Запоёшь, да не закончишь песни —
Знать, навеки твой удел таков...
Ах, Россия, грезится нам вместе
Воля рая, поле васильков.*

Есть у поэта Бориса Шигина замечательное качество — сохранять в душе детскую и юношескую способность удивляться и принимать мир без опаски — распахнуто, доверчиво. Такой замечательной способностью обладают только детство и юность. С годами мы становимся недоверчивее, предпочитая называть свою недоверчивость мудростью. А вот лирический герой Бориса Шигина готов принять мир таким, каков он есть. И заранее простить этому миру все неизбежные печали. В наше нелёгкое время такое качество в поэзии нечастое. Тем более, когда оно сопряжено со столь строгим отношением к себе самому:

*Какое прекрасное качество:
Прощать чужакам их чудачества.
Влюблённым прощать
Нерешительность,
А любящим —
Ревность и мнительность.
Неумным прощать неумение,
Беде — холод прикосновения.
Забывчивость — счастью и радости,
А недругу — сплетни и гадости.
Прощать и подонков случается...
Себя только — не получается.*

Если вдуматься, умение прощать — это евангельский божественный небесный дар человеку. Не зря на Руси испокон говорили: «Бог простит». Именно в умении простить и не множить зло заключена настоящая поэзия — и та, что звучит у костра, и та, что разговаривает с нами с книжного листа.

«Только лишь слово...»

Есть люди, в смерть которых не хочется верить. Одним из таких людей на моём жизненном пути был замечательный детский поэт из Самары Юра Денисов. Называя его Юрой даже посмертно, я чужд панибратства, потому что давно заметил, что не я один — многие другие называли его так гораздо чаще, чем Юрием Павловичем. Первая книга стихов для детей и про детей вышла у Денисова в Куйбышевском книжном издательстве в далёком 1966 году. Называлась «Книжка про мальчишку». После первой книги последовали другие: «Земляничка», «Что случилось в доме», «Пригласили речку в степь» — очень плодотворно работал поэт Денисов! Примерно в то же время у Юры в московском издательстве «Малыш» вышла книжка «Я связала рукавички». И, конечно, всё это время стихи Денисова печатаются во всесоюзных детских журналах «Весёлые картинки», «Мурзилка».

Каждая личная встреча с Денисовым оставляла во мне светлое чувство сопричастности тому невозвратимому миру детства, которое светлым воспоминанием живёт в душе. И даже те, у кого это детство не было безоблачным (те же сироты и детдомовцы), всё равно, взрослея, ностальгически вздыхают по тем юным годам, когда кажется, что всё нам по плечу и все подвластно. Однажды в свой очередной приезд в Самару оказался я в редакции «Волжской коммуны». Зашёл в кабинет отдела сельского хозяйства. Юра сидел за столом справа и, широко улыбаясь, спросил: «У тебя время есть?». Не дожидаясь моего ответа, приказал: «Присаживайся и слушай!». Я с удовольствием подчинился. Юра читал мне свои стихи с внушительными паузами, я понимал — паузы не случайны, поэт ждёт моего мнения. С удовольствием и искренне я хвалил стихи Юры — хвалить талантливого человека всегда приятно! Но вот слух мой ловит не совсем чёткую по смыслу фразу в стихотворении Денисова. Я внутренне напрягаюсь, потому что по себе знаю, насколько ранимы пишущие люди. Закуриваю и внутренне начинаю подыскивать слова, которые бы точно, но необходимо выразили мои замечания к автору. Но Юра очень чуток. Не дожидаясь моих слов, сам начинает настойчиво выпрашивать, что именно мне не понравилось. Как мог, объяснил ему свою точку зрения, но, видимо, недостаточно тактично объяснил, потому что Юра замолчал и больше мне стихов в тот

день не читал... Из Самары домой в Пестравский район я приехал довольно поздно. А глубокой ночью меня разбудил телефонный звонок. Телефон звонил настойчиво, пока я вставал с постели, надевал домашние тапочки, брёл спросонья в ту комнату, где трезвонил телефон. В трубке услышал голос Юры: «Ты уехал, а я думал-думал над твоим замечанием. А ведь ты был прав. Послушай, как я изменил стихотворение и прости, что разбудил тебя...». Голос у Юры был такой радостный, что у меня не хватило духу попенять ему за столь поздний звонок, разбудивший моих домочадцев. А ещё больше жалею сегодня, что не запомнил я, о каком стихотворении шла речь.

Не знаю, почему, но Юра мне доверял, частенько советовался со мной по тем или иным вопросам. В свою очередь, я всегда больше всего старался не обидеть Юру неосторожным замечанием. И, конечно, мне всегда было интересно то, что пишет Юрий Денисов. Видимо, эта моя неподдельная заинтересованность и располагала Юру к доверительности в общении со мной. А уж если, грешным делом, на столе оказывалась запотевшая бутылочка «беленькой», да под хорошую закуску — то это было истинное пиршество духа. Юру было не остановить, стихи водопадом извергались из него. Каждый раз, когда я заглядывал в его самарскую квартиру на четвёртом этаже на улице Партизанской, я невольно сбрасывал несколько десятков лет и превращался в ребёнка. Радужный хозяин квартиры зачитывал меня своими новыми стихами, и мы с ним вместе смеялись и радовались, как дети. С другой стороны, как я заметил, дети на встречах с поэтом Юрием Денисовым сразу как-то становились старше своих лет. И с недетским вниманием слушали его стихи, словно бы стихи Денисова были некой «машиной времени», которая взрослых превращала в детей и наоборот. Это качество творчества Денисова, как я сегодня понимаю, было мне ближе всего. Несмотря на то, что Юра писал и взрослые стихи, очень талантливые, он говорил мне: «Я детский поэт. Я пишу для детей. И ты ведь тоже пишешь для детей свои детдомовские рассказы. Хотя, живя на селе, мог бы писать о взрослых сельчанах... Нет, мы пишем о том, что нам ближе всего!..».

Всю свою жизнь Денисов проработал журналистом. Начинал в Кинель-Черкасской «районке», затем был заместителем редактора в Красном Яре, работал в самарской областной газете «Волжский комсомолец», в газетах «Куйбышевский железнодорожник», «Волжская коммуна». Как писатель начинал в литобъединении, которым руководил в Кинель-Черкассах ныне известный самарский поэт Борис Сиротин. Однажды Юрий Денисов приехал к нам в село Майское по своим журналистским делам. Мы встретились, и я не упустил случая пригласить Юру в нашу Майскую школу. Новая

трёхэтажная школа села Майское тогда только что справила новоселье. А я работал в этой школе учителем истории и был классным руководителем в 6 «Б» классе. Когда начался урок, Юрий Павлович занял место на «камчатке» — так школьники называют последнюю парту последнего ряда. Он внимательно слушал всё, что происходило на уроке. Посреди урока вдруг, как прилежный ученик, поднял руку и произнёс: «Средневековье, конечно, необходимо знать, но можно я прочту свои новые стихи?..». Я растерялся, а мои ученики, напротив, зааплодировали, лица у них расцвели солнечными улыбками. Ход урока был нарушен, чему я как учитель не мог не огорчаться. Но в данном случае заинтересованный читатель победил во мне строгого педагога. Денисов читал стихи, дети радостно хлопали:

*Шёл школьный,
Шёл обычный,
Обычный школьный час.
И вдруг весенний зайчик
Влетел в наш пятый класс.
Заметил в классе карту
И, прыгнув через стол,
С востока и до запада
Планету обошёл.
Учитель улыбнулся,
Прищурившись на свет,
И... не поставил двойку
Петрову за ответ.*

Не помню, читал ли Юрий Денисов именно это стихотворение на моём тогдашнем уроке истории. Но оно как нельзя лучше характеризует ту солнечную атмосферу, которую он привнёс в класс и которая долго потом помнилась. Денисов и стал тем самым солнечным зайчиком, о котором идёт речь в стихотворении и который побудил строгого учителя (в данном случае, меня!) вдруг позабыть про строгость и вспомнить о том, что и он когда-то был маленьким... Ну а затем, помнится, Юра продолжил чтение стихов у меня дома. На сей раз заинтересованными слушателями его были два моих сына-погодка. Слушали внимательно, даже «егоза» Серёжа был тих и глаза его мерцали каким-то пытливым светом...

Да, время летит! В этом году исполнилось уже 40 лет с тех пор, как я впервые опубликовался на страницах областной газеты «Волжская коммуна». Это был материал из Пестравского района. Сколько опубликовано на страницах этой газеты моих информационных, статей,

зарисовок, очерков и рассказов — подсчитать невозможно. Сколько прекрасных наставников дала мне «Волжская коммуна»: — Леонида Чиркова, Александра Сырова, Евгения Жоголева, Андрея Вятского, Нину Куликову и — конечно! — Юрия Денисова. А познакомил меня с Юрием мой старший друг, заслуженный работник культуры РФ и выдающийся самарский журналист Евгений Николаевич Жоголев. Жоголевский кабинет был неким центром притяжения всего талантливого и интересного. Жоголев руководил отделом культуры — прозаики и поэты, артисты и певцы, талантливые самородки из самарской глубинки были частыми гостями жоголевского кабинета. В этом кабинете я и познакомился с Юрой Денисовым, на пору нашего знакомства работавшим в отделе сельского хозяйства. С той поры всегда, когда мне удавалось приехать в Куйбышев, я перво-наперво шёл в «Волжскую коммуна», кабинет Денисова был на втором этаже. Впрочем, застать Юру было не так просто. Он был деятельным журналистом, работавшим по испытанному профессиональному принципу «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете». Во время частых командировок объездил всю Куйбышевскую область. Если на мой вопрос «Где Денисов?» мне в редакции отвечали, что он приехал из очередной командировки, я знал, что Юра «отписывается» — готовит новый материал. Тогда я покидал Дом печати, садился в трамвай № 4 и ехал до остановки «Мебельный комбинат», где на Партизанской улице жил Денисов. Юра встречал меня приветливо, читал новые стихи, дарил свои новые книги. Не без гордости могу сказать, что Юрий Денисов подарил мне все свои книги. Другое дело, что не все они сохранились в моей библиотеке: многие «уведены» юными читателями, что говорит только в пользу денисовских книг, очень любимых и востребованных детворой.

В день сороковин Юрия Денисова достал я с полки одну из его книг, провёл ладонью по обложке, как это делал всегда Юра, словно поздоровался со своим другом... Прочёл на книге: «И людям, и деревьям, и цветам» такой авторский автограф: «Эдуарду Анашкину с любовью и ожиданием твоей книжки. 4 февраля 1992 года». Достал другую денисовскую книгу «Кто с чем идёт из школы», выпущенную Куйбышевским книжным издательством в 1984 году. А там другой привет от Юрия Денисова, на сей раз поэтический: «Эдуарду Анашкину. // В дождь, в ненастье ли, // Солнце ли, вьюгу — // Благодарен я верному другу. // А ещё, мой коллега весёлый, // И твоею писательской школой. // Автор этой книжки Ю. Денисов». Знание психологии ребёнка помогало взрослому человеку и детскому поэту Денисову достучаться до любого детского сердца. Он не давал го-

товых советов ребятам, каким учат его иные современные детские стихотворцы. Он говорил с детьми на равных, понимая, что и жизнь ребёнка не менее трудна, чем жизнь взрослого человека:

*Не открывая дневника,
За миг один короткий
Могу узнать ученика
По виду и походке.
Вон тот бежит домой легко —
Что на гору, что с горки.
В портфеле, знаю, у него —
«Четвёрки» и «пятёрки».
А этот тащится едва
В невыразимой муке.
Портфель ему с оценкой «два»
Оттягивает руки.
Один влетает на крыльцо
И в дверь стучит ногами.
И смотрит весело в лицо
И бабушке, и маме.
Другой, как с грузом,
Поднялся
К порогу, неуверен.
Отводит в сторону глаза
И топчется у двери...
Не открывая дневника,
За миг один короткий
Легко узнать ученика
По виду и походке!*

Не только по виду и походке узнавал своего читателя Денисов. Он чувствовал его всеми струнами души. Он сам был в душе ребёнком! Когда-то, когда забота о нравственном здоровье подрастающего поколения была заботой государства, книги Юрия Денисова не выходили тиражом менее ста тысяч экземпляров. И даже при таких огромных, по нынешним временам, тиражах в магазинах не залеживались. Если подсчитать совокупный тираж книг, сборников и публикаций Денисова в журналах, то будет никак не менее миллиона экземпляров! И при этом Юрий Денисов не был членом Союза писателей! Трагическим поворотом для его творческой судьбы стала очень неприятная история, когда некая известная титулованная и приближенная к тогдашнему партийному руководству московская поэтесса «позаимствовала» у Денисова стихотворение, выдав его за

своё. А это было давно написанное и напечатанное Денисовым стихотворение, которое и сегодня знают маленькие читатели за авторством пресловутой московской титулованной поэтессы. Несмотря на то, что правда была, очевидно, на стороне Денисова, московская правда «пересамила» правду куйбышевскую. А собственно, куйбышевская правда особо-то и не стремилась доказать свою правоту. Долгое время эта тень витала за спиной Денисова — честнейшего человека, который в силу своего детского добродушия просто не довёл всю эту историю до логического юридического конца. После перестройки государству как-то стало не до поддержки творчества детских поэтов. А спонсоров искать застенчивый Денисов не умел... Не тот он был «фрукт» и «овоц», говоря его же словами!

*Всю семью который год
В гости бабушка зовёт.
Мы не против, но куда,
Но куда девать кота?
Может, Ваську в чемодане
Или в папином кармане,
Иль в авоське повезём
К бабушке в далёкий дом?
...И соседи, и соседки
Обступают нас вокруг.
— Это кто мяучит в сетке?
— Ай да овоц!
— Ай да фрукт!*

Когда я узнал, что при поддержке Правительства Самарской области Самарской областной писательской организацией будет издана новая книга стихов Юрия Денисова, то очень обрадовался. И вот эта книга «Шёл по улице прохожий» лежит у меня на столе. Какая нелепость и несправедливость судьбы, что Юра так и не успел подержать в руках эту свою новую и так долго — добрых полтора десятка лет! — ожидаемую книгу. Радует лишь то, что эта новая книга Юрия попадёт в библиотеки Самарской области. И будет учить детей добру, состраданию, умению трудиться и любить, словно автор этой книги и не умирал. Потому что слово Юрия Денисова — это слово будущего, коль уж оно помогает нашему будущему обрести нравственный стержень.

*Только лишь слово —
Ну, что в нём такого?
Звук, да и только.
Подумаешь, слово!*

Я хоть сию же минуту готов
Наговорить вам
Три короба слов!
Проку, и правда,
В нём нет никакого,
Если оно на устах пустослова.
Слову, и правда,
Какая цена,
Если оно в обиходе вруна?
В самом же деле —
Всесильно и грозно,
Если к нему
Относится серьёзно.
Слово дерётся,
Стреляет,
Калечит,
Слово морозит
И греет, и лечит...
Только лишь слово —
Ну, что в нём такого?
Слово — не шуточки,
Честное слово!

«Рядом с вами счастье ваше!»

Анатолий Иванович Святкин — мой давний друг по жизни и по Судьбе. Коренной сельчанин, ныне проживающий в Идакре, он выбрал село местом приложения своих профессиональных навыков. Зоотехник с высшим образованием, он один из тех сельских интеллигентов, которых называют солью земли. Впервые мне довелось познакомиться со Святкиным в редакции районной газеты «Степная коммуна», где когда-то проходили заседания литературного творческого объединения «Пестравка». Вёл литобъединение тогдашний редактор газеты, детский поэт Александр Степанов, ныне живущий в Тольятти. Святкин тогда работал главным зоотехником колхоза «Красный путь», писал стихи, которые публиковались в нашей «районке». Справедливости ради следует сказать, что пестравское литобъединение было на творческом пути Святкина не первым. Начинал он заниматься литературой, ещё будучи студентом Кинель-Черкасского техникума (позже Святкин закончил институт). И в Кинель-Черкассах посещал юный поэт Святкин заседания литературного объединения при редакции кинель-черкасской районной газеты — литобъединение, которым в те времена руководил тоже молодой тогда, а ныне известный самарский поэт Борис Зиновьевич Сиротин. Так что литературную школу Святкин прошёл разнообразную и весьма добротную. И оказался способным учеником. Стихи Анатолия Ивановича всегда отличались тем песенным оптимизмом, что свойственен русскому народу. Я считаю Святкина глубоким художником русского слова: он умеет слышать сердцем русские слова, чувствовать их глубинный изначальный смысл, часто закиданный сверху мусором суетной нашей повседневности. Как в стихотворении «Кулёма»:

*Кулёма, милая кулёма,
Так называли в старину
При встрече женщин и знакомых,
Так звали и жену.*

*А ныне не произнесёшь
В глаза любимой это слово.
Врага себе ты наживёшь,
А может, недруга большого.*

*Но, если вдумаяешься в суть,
Кулёма — цвет нераспушённый.
Бутон цветка, не что-нибудь,
Бутон любви в душе влюблённой.
Мы ж слов значения забыли,
Кулёмой стали обзывать.
Чем наши предки дорожили,
Мы стали в ругань превращать.*

Вот так — от расхожего повседневного слова — Анатолий Иванович выходит на глобальные обобщения уже не только литературоведческого, но философского порядка. О том, что многие наши сегодняшние беды в том, что погнавшись за новизной, потеряли мы свои корни! Сам Анатолий Иванович жил, не отрываясь от народных корней, от народного словотворчества. Он, в отличие от многих городских поэтов, пришёл в литературу со своей темой, и ему не надо было «придумывать» стихи и темы — они сами находили Святкина.

*Сердцу милые избёнки
С косогора видны издали.
Будто шаловливые девчонки
К роще хороводом побрели.
Вдоль плетней весёлые берёзки,
У колодцев — шеи журавлей.
У ворот забытые повозки
Ожидают по утрам коней.
Переключки петухов горластых,
Звон струи парного молока.
И ленивый брёх собак зубастых
Разгоняют грусти облака.
Только вот чего-то не хватает,
Постарели лица у домов.
Будто жизнь к околице шагает.
И не та уж стать у мужиков.
Постарели бывшие девчонки,
Или проще скажем — отцвели.
Но, как прежде, милые избёнки
Хороводом к роще побрели.*

Нескончаемый круг жизни воспет в этом стихотворении, в котором нет ни одной придуманной строчки. И основой этой сельской

жизни всегда был труд. Что такое работа зоотехника, городскому жителю не понять. Тяжкая, но столь необходимая для всего человеческого общества работа. И надо очень любить своё дело, чтобы сохранить верность ему на всю жизнь. Эта работа, как в песне поётся, «от зари до зари, от темна до темна». Помнится, рассказывал мне Анатолий Иванович о своей судьбине зоотехника со спокойным мужеством русского человека, которому привычны трудности: «В четыре часа утра, бывало, подъём и на ферму. Надо проверить — пришли ли на работу все доярки, подвезли ли корм скотники, почищена ли ферма, обихожены животные. Надо проверить также чистоту молочных бидонов, удостовериться, есть ли марля для процеживания молока. И, конечно, надо самолично убедиться в том, что все животные здоровы... Вообще, дел по горло, только успевай поворачиваться! Идёшь, бывало, на работу, а в голове строчки стихов побежали. А на улице, как на грех, ещё темно, записать бы строчки, пока не забылись, да вот беда — не курящий я, даже пачки от сигарет нет. Присядешь около электрического столба, чтобы посветлее было от фонаря, достанешь рацион кормления животных, да на нём и запишешь пришедшие на ум стихи. А порой и вовсе клочка бумаги с собой нет — сколько хороших строк так я затерял!» — сокрушается Анатолий Иванович. Как специалист-зоотехник Святкин был всегда востребован. Сначала работал в одном колхозе, затем в селе Идакра, он тогда назывался «Путь к коммунизму». Святкин был известен и колхозному начальству, и односельчанам тем, что человек беспокойный — о качестве продукции денно-ночно пёкся, чтобы молоко было чистым и с высокой жирностью. Для людей старался! Русская пословица гласит: «У коровы молоко на языке», — то есть от рациона кормления и сбалансированного питания (а все это входит в обязанности зоотехника!) напрямую зависит качество молочной продукции. Сейчас, казалось бы, дефицита молока нет, даже в село везут для продажи красивые пакеты, красивые банки. А купишь молоко — оно и молоком-то не пахнет, поскольку искусственное. Святкин по роду своей профессии много общался с животными, их вкусу доверяет куда больше, нежели вкусу человека, которого обманывает яркая упаковка. Не всякая собака будет пить нынешнее продаваемое в магазинах молоко, да и тушёнку тоже есть не всякую будет. Животных не обманешь, у них инстинкт самосохранения, в отличие от нашего, не притушлён. В этом море разлитом сомнительных молочных продуктов наше пестравское молоко неслучайно стало в Самарской области «брэндом», хотя никто искусственно торговую марку пестравского молока не раскручивал. Оно само себя раскрутило — своим высоким качеством. А все потому, что не игнорируют

в нашем районе давние традиции зоотехнической науки, которые в своё время укреплял Анатолий Иванович Святкин. Одно из его стихотворений я называю Одой Пестравскому молоку и заодно — одой району, где это молоко производится, столько в этом стихотворении неподдельного восхищения пестравской природой:

*По степи бурёнки бродят,
Щиплют нежную траву.
Как девчонки в хороводе,
По весне цветочки рвут.
Собирают силу поля,
Разнотравья изумруд,
Чтоб побаловать нас вдоволь,
Молока нам принесут.
...Чтобы дети наши крепи,
Не слабели старики,
Молоком нежнейшим, цельным
Всю России сохраним!*

Почти полвека Анатолий Святкин прожил со своей женой, которая всю жизнь проработала дояркой. Воспитали Святкины двоих детей: сына и дочь. Сейчас уже внуки и внучки душу согревают. Добропорядочный семьянин и заботливый отец семейства, Анатолий Иванович и свою новую книгу «Бытие» посвятил любимой жене Нине Ивановне. Любовь для поэта Святкина — не только основа жизни, но и основа творчества и веры в то, что счастье всегда рядом:

*На ромашках не гадала
Летнею порой.
Раз всего лишь увидала
И сказала: «Мой!».
Будто заново родилось
Всё вокруг тебя,
Ты влюбилась, да, влюбилась
И живёшь, любя.
Стало небо будто выше,
Роцца зеленей.
Мир твоей любовью дышит,
Стал ещё милей.
И парнишка улыбнулся,
Ласково взглянул.
От любви твоей проснулся,
В ней и утонул.*

*И не нужно рвать ромашки,
Чтоб обоим знать:
Рядом с вами счастье ваше,
Нечего гадать.*

Анатолий Иванович не искал счастья на стороне, а строил его вокруг себя. В следующем 2010 году Святкину исполнится 70 лет. Он бодр и полон свежих идей. Пишет стихи, публикуется в самарских газетах, в журнале «Русское эхо», хотя инвалидность по зрению, конечно, даёт себя знать. Помнится, давненько уже я подарил ему пишущую машинку «Москва» — вот и настукивает на ней Анатолий Иванович новорождённые строчки стихов. Хотя книга «Бытие» у Святкина уже третья по счёту, но, дай-то Бог, не последняя. Много стихов-песен спето Анатолием Ивановичем, но главная, наверное, та, что ещё зреет в душе поэта:

*Спокойным пламенем свеча
Своим теплом нас согревает.
И ты сидишь — моя мечта,
И сердце ласки ожидает.
Но что-то слабо греет свет.
В глазах твоих ледок грустинки.
Как недосказанный ответ,
Как свет скатившейся слезинки.
А я тебя так долго ждал,
Как ночь зарю, как лучик света.
Свои мечты я в песнь слагал,
Вот только песня не допета.*

А ведь очень хорошо, что песня не допета, значит, нам, читателям, предстоит радостное ожидание новых песен, новых куплетов. Хочется сказать, что издана книга «Бытие» благодаря пониманию и поддержке Главы Пестравского района Виталия Матвеевича Федина. Высокообразованный человек, имеющий два высших образования, Федин по достоинству ценит литературный процесс Пестравского района и, по возможности, старается поддержать пестравских писателей. Как государственный человек В.М. Федин, видимо, не может не понимать, что надо что-то противопоставлять той лавине пошлости, что денно-нощно обрушивается с телеэкрана на души наших людей, особенно неокрепшего молодого поколения. А стихи поэтов из народа говорят с этим поколением на языке их предков, будят генную память нового поколения и потому являются мощной прививкой против всего плохого.

Обручённая с ветром

Как существует внешняя биография человека — родился, крестился, учился, женился, родил ребёнка... так непременно существует и биография внутренняя — биография души. Но если внешняя биография на виду, то биография внутренняя скрыта от постороннего глаза. Внешняя биография человека запечатлена в его метриках, паспорте, анкете. Для того чтобы понять внутреннюю биографию человека — лучше всего прочесть его стихи. Не потому ли с вероятностью один к девяноста почти каждый русский человек либо когда-то писал стихи в юности, либо пишет их до сих пор. Одной из причин того, что поэтический жанр в России столь всенародно распространён, и является, на мой взгляд, настоятельная потребность осмыслить свою внутреннюю биографию, жизнь души. Чем талантливее автор — тем более ярко и объёмно предстаёт его внутренний мир в его литературном творчестве. Моё знакомство с проживающей в Тольятти Натальей Викторовной Баюшевой началось при более чем прозаичных обстоятельствах. А истинным знакомством с ней я считаю знакомство с её стихами, которые Наталья Викторовна пишет, начиная с семи лет. Она писала стихи, когда училась в школе. Когда в пятнадцатилетнем возрасте в её душу ворвалось настоящее большое чувство любви, стихи стали для неё ещё более настоятельной потребностью, чтобы эту любовь осмыслить. Стали и с тех пор так и остались дневником души и сердца:

*Не вернуть безвозвратно ушедшее —
Месяц май, что дарил мне тебя.
Ты меня называл сумасшедшею
Полу-искренне, полущутя.
О любви говорила я сбивчиво.
Не звучало ни слова в ответ.
А ты слушал души моей исповедь,
Полуправду мою, полубред.
Сколько было бесследно прошедшего,
Но я помню всё, как и сейчас...
И сама я себя сумасшедшею
До сих пор ощущаю подчас...*

*...Ты звезда моя, с неба сошедшая.
Не узнать твоего мне огня.
Только помни — твоя сумасшедшая
До безумия любит тебя.*

В старших классах Наталья Баюшева почти все школьные сочинения дополняла собственными стихотворениями. Школа гордилась одарённой девочкой... После школы Наталья поступила в педагогический колледж на филологическое (конечно же!) отделение. Когда сдавала вступительный экзамен, ей предложили прочитать стихи какого-нибудь современного поэта. И Наталья Баюшева прочитала свои стихи, не означив при этом собственного авторства. Благополучно поступила на первый курс. Учась в колледже, при поддержке классного руководителя Людмилы Зиновьевны Мастеровой, заметившей одарённость Натальи, участвовала в различных конкурсах, КВН, писала стихи ко всем торжественным датам. В 1999-м, юбилейном пушкинском году, Наталья заняла первое место в конкурсе-фестивале «Радуга надежд», читая стихотворение о Югославии. Затем стихи её были опубликованы в сборнике «Хочу в апрель». В декабре 1999 года в колледже состоялся первый творческий вечер Натальи Баюшевой. Сокашники читали её стихи, пели песни на строки её стихов. Затем была учёба в педагогическом институте и дипломная работа на тему «Преодоление поэтики акмеизма в раннем творчестве Анны Ахматовой». Вся защита дипломной работы Натальей Баюшевой — от начала до конца! — была выдержана в стихотворной форме. Комиссия оценила эту работу на «отлично». После университета Наталья также неоднократно выступала перед студенческой аудиторией... Личная жизнь также не стояла на месте: в 2002 году у Натальи родилась дочь Лера, а в 2005 году — дочка Таня:

*Ты моя бесценная награда!
Звёздочка ранимая моя!
Девочка с глазами листопада,
Как же ты похожа на меня!
Глаз твоих пленительных погоду
Без прогноза точно уловлю.
Ты моя божественная ода,
Сложенная Богом к ноябрю!
...Ты моя надежда и отрада!
Маленький приток моей реки.
Девочка с глазами листопада,
Полными восторга и тоски!*

Это стихотворение, посвящённое дочке Лере, написано отнюдь не по «горячим следам», а спустя почти десять лет после рождения дочери, когда материнство стало для Натальи Баюшевой не просто осознанным фактом, но частью внешней и внутренней биографии. Знакомство с внутренней биографией Натальи Викторовны начинается с удивления: такая серьёзная дама, работающая в такой серьёзной государственной структуре (об этой структуре на всякий, как говорится, случай обыватели говорят вполголоса), и вдруг — поэт! Не «пишет стихи», а именно «поэт», потому что Наталья Баюшева, убедитесь в этом сами, обладает тем максималистским мироощущением, что свойственно юным романтикам и прирождённым поэтам:

*Как и прежде, «чуть-чуть» не умею.
Не приемлю ни в чём половин.
До последнего в лучшее верю
Или вмиг всё крушу до руин.
Если плохо, то, значит, уж плохо.
Ну, а если везёт, так везёт!
Не хочу, не умею в полвздоха,
В полкрыла мне не нужен полёт!
...Не могу я любить вполнакала!
Вот мой вечный упрямый девиз —
Я бы к небу все время взлетала
Или камнем отчаянно — вниз.
...Не ищу золотой середины,
А куда-то упрямо лечу!
Не умею я жить вполовину,
Не умею да и не хочу!*

Согласитесь, вышепротитированное есть мироощущение поэта, глубоко чувствующего человека, открытого всему миру и страдающего за все его несовершенства. А таковых, к сожалению, предостаточно. Одной из частых человеческих трагедий бывает любовь, которая красной (я бы даже сказал, обagrённой кровью сердца) нитью проходит через все стихи Натальи Баюшевой. Хотя разве можно считать несчастьем любовь, которая подарила поэту и его читателям такие прекрасные строчки:

*Ночь была ослепительно лунная.
Серебристым и звонким рассвет.
Я влюбилась тогда до безумия
Ранним мартом в четырнадцать лет.*

*Я такая была прямодушная,
Хоть роман по ладони пиши.
Неземная, шальная, воздушная,
Окрылённая песней души.
Лёгким-лёгким дыханьем согретая,
С трепетанием сердца в груди,
Обручённая с ветром, неспетая,
Словно песня, что ждёт впереди.*

Так способен любить только настоящий поэт, который и в любви, и в творчестве привык больше отдавать, нежели получать. А лирическая героиня стихов Натальи Баюшевой не только умела ярко переживать юношескую влюблённость, но и сохранила и преумножила талант любить, пронесла его через непростые жизненные испытания. И сегодня умеет любить не менее ярко, хотя к этой её зрелой любви примешивается изрядная доля грустноватой мудрости:

*Небо выше и звёзды крупнее,
Крик души в высоту я плесну.
Я люблю в эту осень умею,
Как ещё не любила в весну.
Счастье в руки листвою ложится.
Ветер стелет к ногам ноябри.
Я хочу в эту ночь раствориться
То ли в осени, то ли в любви...
...Я смогу нояблями согреться.
И в преддверии первых снегов
Мне всё глубже врывается в сердце
Окрылённая песней любовь.
В небо выше и выше уносит.
И на взмахе отчаянных крыл
Я умею любить в эту осень,
Как никто никогда не любил.*

Отношения между мужчиной и женщиной были всегда и во все времена непросты. Эта непростота стала основой лучших произведений искусства. Особенно если женщина не способна стать безликой тенью мужчины, а имеет на всё свой взгляд и чувство собственного достоинства. Таким женщинам нелегко приходится в любви, потому что надо сохранить не только любовь, но и себя, свою личность. И, как ни странно прозвучит, но порой, чтобы сохранить себя и свою любовь, надо расстаться с любимым человеком:

*Нет, неправда, это не потеря.
Я ведь старых ран не ворошу.
Без упрёков, жалоб и истерик
Я сегодня просто ухожу.
Нет, меня удерживать не надо.
Лучше помоги надеть пальто.
Не смотри таким молящим взглядом,
Понимаешь, это всё не то.
Ухожу сегодня без раздумья.
Без сомнений — просто ухожу.
От полётов, взрывов и безумья
Наконец, тебя освобожу...*

А бывает и другая ситуация, когда уходит не женщина, а её любимый человек. Причём не просто уходит, но уходит вообще, из жизни. И это тоже, судя по стихам, довелось пережить Наталье Баюшевой и выстоять после такой трагедии.

*Ухожу от себя в никуда.
Дневники наших встреч я листаю.
Я тебя не найду никогда.
Ничего о тебе не узнаю.
...На земле не случается чудо.
Ты ушёл от меня навсегда.
Я тебя никогда не забуду.
Никогда! Никогда! Никогда!*

Но жизнь продолжается. А жизнь для лирической героини Натальи Баюшевой — это вечная борьба. Борьба с обстоятельствами, с самой собой за право сделать жизнь хоть чуточку светлее и лучше. И, конечно, такой человек, как лирическая героиня Баюшевой, не может не преклоняться перед теми, благодаря кому сохранена эта непростая жизнь на земле и в нашей стране. Перед ветеранами-фронтовиками. Я бы отдельно выделил стихи Натальи Баюшевой, которые она посвятила деду-фронтовику, ставшему для неё олицетворением стойкости и Победы. Нашей русской Победы:

*Лучший праздник — 9 МАЯ!
С неба искры салюта летят.
Дед опять надевает медали
И спешит на военный парад.
И краснеют гвоздики в петлице.
Вспомнить всё есть немало причин.*

*И повсюду счастливые лица,
На которых всё больше морщин.
Этот день всех других мне дороже,
И глаза ветеранов блестят.
Дед как будто бы стал мой моложе
Лет без малого на пятьдесят.
За столом выпьем мы за Победу
И помянем погибших солдат.
Я внимательно слушаю деда —
Он сегодня рассказывать рад.
Как сражался упорно на фланге
(Это в памяти я сберегу),
И как шёл он в атаку на танке,
Как горел, но не сдался врагу...*

Или:

*Встану утром рано на рассвете
В самой середине октября.
Самый лучший дедушка на свете
Есть, я точно знаю, у меня...
...Есть чему у деда поучиться.
Многое он выдержать сумел.
И, не уставая им гордиться,
Я стараюсь брать с него пример.
Выросли давно у деда дети.
Но совсем недавно к ноябрю
Самый лучший дедушка на свете
Взял на руки правнучку свою.
...Мир утонет в майском первоцвете,
Но всегда и свято помню я —
Самый лучший дедушка на свете
Есть, я точно знаю, у меня.*

Вообще образы людей старшего поколения — деда-фронтовика, бабушки, мамы, соседских старушек — в лирическом творчестве Натальи Баюшевой отмечены печатью эпической величавости. Замечательно стихотворение о непреклонной бабке Зине. Такой живой и зримый характер нарисован в этом стихотворении, что с этой непреклонной бабкой хочется сравнить всю нашу Россию, не привыкшую сдаваться грустным земным обстоятельствам:

*Пестреет лета яркая картина,
Но ненароком взор мой привлечёт,*

Как медленно выходит бабка Зина
Из стареньких некрашенных ворот.
Прищурится слегка подслеповато,
На палочку опрётся не спеша.
В сопровожденьи верного Пирата,
Наверное, спокойнее душа.

До лавочки доходит бабка Зина.
С подружками присядет по пути.
А надо ей ещё до магазина
И (шутка ли?) обратный путь пройти.

Старушки, больше те, что помоложе
(А бабке Зине девяностый год!),
Те охают: «Мы с лавки встать не можем»,
А бабка Зина встанет и пойдёт...

«Давайте, — не смогу пройти я мимо —
Вам сумку донести я помогу...»
Махнёт рукой небрежно бабка Зина:
«Я и сама любому помогу!».

Она доковыляет до избушки,
Чтоб там уж на крыльчке посидеть...
И силы духа хватит у старушки
И завтра тот же путь преодолеть.

Она поправит волосы седые.
Вздыхнёт, как будто бы вздохнула Русь...
Пока такие бабки есть в России,
Я ничего на свете не боюсь!

От жителей сельской глубинки хочется поблагодарить Наталью Баюшеву за то, что она всем сердцем любит русскую деревню. Неважно, что в творчестве Баюшевой эта глубинка не волжская, а оренбургская. Все равно это наша среднерусская глубинка, к которой лирическая героиня стихов Натальи Баюшевой прикипела всем сердцем. И которую она предпочитает всем южным красотам, потому что стремится к родному, исконному:

...Август веет нотою осенней.
Я потом с особенной тоской
Вспомню, как мы ездили за сеном
И как пахло скошенной травой.

Тёплые баландинские ночи,
Я без вас, как без дождя земля.

*Мама мне расскажет, как там Сочи,
Я ей — про комбайны и поля.*

*Говорят мне все: «Какая странность,
Ты в деревню мчишься каждый раз».
Может, это вовсе не случайность —
Там моя бабуля родилась.*

Оренбургские края в лице Натальи Баюшевой нашли тонкого лирика, способного воспеть окружающую красоту природы. На самом деле каждый приезд лирической героини Баюшевой в сельские края — это возвращение к своим истокам, к лучшему, что есть в себе самой. А не просто банальный визит к родственникам и досужая погоня за красотами пейзажа и сменой впечатлений. Наталья Баюшева с русской глубинкой не заигрывает, не жалеет её снисходительной любовью, как убогую старушку. Нет! Она чувствует русскую деревню как часть своей городской души. И, быть может, как лучшую её часть!

*Родная деревенская стихия,
Простые невысокие дома.
Настали времена теперь такие —
Вас сносят и возводят терема.
Ютятся деревянные избушки
Среди высоких каменных палат.
Печально перекрестятся старушки
И в сторону отводят скорбный взгляд...
...Ну как же нам спасти своих старушек?
Какой найти жилительной воды?
Ведь в окруженье стареньких избушек
Ещё цветут вишнёвые сады.*

Вишнёвый сад как символ уходящей эпохи заставляет нас задуматься о том, что сохранение русских деревушек (как только их ни называли на моём веку — неперспективными, глухоманью и т.д.) есть во многом — спасение самой России. А Россия в творчестве Натальи Баюшевой — такая же главная тема, как любовь. И такая же непостижимая, если попытаться постичь её только умом:

*Белый снег мне на плечи ложится
Покрывалом холодным извне.
Суждено же мне было родиться
В этой русской суровой стране.*

*И не где-то в покое и в мире.
Я в покой не умею впадать.
Суждено мне родиться в России,
Где умом ничего не понять.
Моё сердце неистово рвётся.
Обжигает нетающий снег.
А навстречу безумно несётся
Двадцать первый стремительный век...
Жизнь моя водопадом струится.
Дни горят, польхают в огне.
Я горжусь, что сумела родиться
В этой самой великой стране!..*

Так может написать только русский поэт, принимающий свою Родину как мать, как данность, не подлежащую обсуждению и, тем более, осуждению. Такой, какая она есть, какой Бог дал. Но при этом делающий всё, чтобы Родине-матери стало лучше. А лучшее, что может поэт сделать для своей Родины, это молиться Богу — за Родину, за близких, за любимых людей, за родные святыни... Ведь стихи, по большому счёту, и есть молитва:

*Я почти ни на что не жалуясь.
Мир, по сути, не так уж плох.
Помолись за меня, пожалуйста,
Ведь с тобою повсюду Бог.
Где живёт, где плутает истина?
Кто за нас повелел решать?
Помолись за меня неистово
И мне легче будет дышать.*

Содержание

<i>Диана Кан. Рождённая любовью</i>	3
<i>Эдуард Анашкин. Попавшие в переплёт</i>	7
Воронья Слободка и Великий Верх	11
«...И пела русалка...»	23
«Любовь моя — печаль моя...»	30
Внутри языковой стихии	36
К небесному Ерусалиму	43
Ночной перекрёсток Карины Сейдаметовой	47
«Затаённая любовь» Геннадия Иванова	52
Родники гармонии и счастья	61
Семь граммов счастья поэтессы Лидии Иргит	65
«И стали явью русские слова...»	74
«Все дороги неба и земли...»	79
«В час, когда вызревала заря, снегириною грудью горя...»	85
На дальней дистанции	95
«Ах, Россия, девочка босая...»	101
«Только лишь слово...»	106
«Рядом с вами счастье ваше...»	113
Обручённая с ветром	118

Литературно-художественное издание

Эдуард Константинович Анашкин

ПОПАВШИЕ В ПЕРЕПЛЁТ

Литературная критика

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

*В оформлении обложки книги использована репродукция картины
«Рукописи Пушкина» Народного художника России
Дмитрия Анатольевич Белюкина*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 21.07.2010. Формат издания 60x90/16.
Объём 8,0 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Издательства ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 310, телефон (846) 267-36-82